

Министерство образования Российской Федерации
Иркутский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра мировой истории и международных отношений
Фонд им. Фридриха Эберта (Германия)
Московский общественный научный фонд

**Восточносибирский
регионализм:
социокультурный,
экономический,
политический
и международный аспекты**

*Дополнительные материалы международной
научной конференции, г. Иркутск, 10–12 апреля 2000 г.
Конференция организована при поддержке
Фонда им. Фридриха Эберта (Германия)*

A 01 - 05793

Иркутск
2001

ББК [66.2+65.04+63.5](2P5)ф
УДК [32+338.91:5+398](57.2)(063)
В02

Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке
Фонда им. Ф. Эберта (Германия).

Составитель: канд. ист. наук. Д.В. Козлов.
Редакционная коллегия: канд. ист. наук. А.Д. Агеев, канд. ист.
наук. Т.Г. Калугина, канд. ист. наук. Д.В. Козлов.

В оформлении обложки использован фрагмент гравюры
М. Эшера «Освобождение».

В02 Восточносибирский регионализм: социокультурный, эконо-
мический, политический и международный аспекты / Сост.
Д. В. Козлов. — Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2001. — 140 с.

В сборнике публикуются материалы, подготовленные к междуна-
родной научной конференции «Восточносибирский регионализм: соци-
окультурный, экономический, политический и международный ас-
пекты», прошедшей в г. Иркутске 10—12 апреля 2000 г.
Издание предназначено для исследователей, специализирующихся
на региональной проблематике, а также для широкого круга читате-
лей, интересующихся данной тематикой.

ISBN 5-93219-030-2

© Кафедра мировой истории
и международных отношений ИГУ
© Издательство «Оттиск», 2001

Содержание

Предисловие	5
ЧАСТЬ I. СИБИРЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	
С.Ф. Шмидт	
Сибирь в перспективе мир-системного анализа	10
И.Г. Грушин	
Национальный интерес: основные направления исследования	16
ЧАСТЬ II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА	
А.Д. Агеев	
Американский опыт и реформа федеральной власти в России	31
М.Н. Арбатская	
Гражданское общество и проблемы региональной безопасности Российской Федерации на рубеже XXI в.	44
О.А. Воронин	
Новая власть и новые бандиты (этническая преступность — региональное измерение)	55
Ю.М. Капралова	
Развилки и тупики «партийного строительства» в России	63
Д.В. Козлов	
Современное социально-экономическое развитие России как методологическая проблема (региональный аспект)	69
ЧАСТЬ III. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ (РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ)	
А.В. Ануфриев	
Возрождение казачества как социокультурный феномен	103
Н.Г. Галеткина	
К вопросу о групповой идентичности современных жителей польской переселенческой деревни	110
М.В. Рагулина	
Категории «субъективности» в полиэтничном регионе: культурно-географический взгляд	120

Предисловие

Международная научная конференция на тему: «Восточносибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты», прошедшая в г. Иркутске 10—12 апреля 2000 г., вызвала большой интерес в регионе. Конференция была организована Московским общественным научным фондом совместно с Иркутским государственным университетом при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта (Германия). В ней приняли участие представители научной общественности восточносибирского региона и столичных исследовательских центров. Материалы данного сборника можно рассматривать как дополнение к изданию, выходящему в г. Москве.

Тема конференции, содержание докладов, представленных на ней, продолжают серию подобных мероприятий, проводившихся Московским общественным научным фондом в ряде регионов России. Анализ всего многообразия изменений, происходящих в современной России, очевидным образом связан с учетом их региональных особенностей. Помимо практической целесообразности использование понятия «регионализм» и его производных претендует на выработку новой методологии. В то же время необходимо указать, что само понятие «регионализм» может использоваться для характеристики совершенно различных процессов (от анализа сепаратистских движений и стратегий до попыток наполнения реальным содержанием федералистских отношений). Процессы регионализации так или иначе развиваются во всем мире, поэтому необходим учет их культурных и цивилизационных особенностей. Они ярко проявляются при сравнении этих процессов в Западной и Восточной (включая Россию) Европе. Если в первом случае речь идет о эволюционном развитии европейской общности, сложном соотношении традиционной национально-государственной идентичности и наполненной реальным экономическим, политическим, культурным содержанием идеи европейской общности, то в случае Восточной Европы процессы ре-

гионализации протекают в посткоммунистических обществах, претендующих на «революционное» расставание с коммунистическим прошлым, «возвращение в Европу» и на «поиск» или «выработку» новой посткоммунистической идентичности. Крушение прежней сверхцентрализованной социалистической системы также диктует необходимость переустройства реальных властных отношений как на уровне взаимоотношений центр — регион, так и на уровне местного, регионального управления. Вместе с тем нельзя не учитывать и глобальный контекст происходящих трансформаций, который многие ученые связывают с кризисом (оцениваемым как позитивный, так и негативно) модернистской идеи «государства-нации» и ее современных («социальное государство») воплощений. Все перечисленное еще раз подчеркивает актуальность проведения конференций, подобных иркутской.

Выбранное место проведения конференции — Иркутск (один из экономических и культурных центров Сибири) — задало дополнительный внутрироссийский контекст рассмотрения проблем регионализма. Различные проблемы посткоммунистической России ярко проявляются в таком огромном по масштабам и значению для страны регионе, как Сибирь. Неоднозначное советское «наследие», помноженное на сложность трансформационных процессов в демократической России, находит свое конкретное выражение в реалиях политического и экономического развития Сибири. Участникам конференции в своих лучших докладах удалось добиться синтеза региональной и общероссийской тематики.

Данный сборник состоит из докладов молодых исследователей. Разнообразие рассматриваемых вопросов вселяет надежду на сохранение и приумножение научного потенциала, который традиционно был характерен для иркутского регионального научного сообщества.

Доклады, представленные в сборнике, подразделяются на три блока. Первый можно условно обозначить как «международный»; доклады второго блока характеризует внутрироссийская, связанная с политической трансформацией российского общества, проблематика; в третий блок вошли доклады, анализирующие процессы социокультурных изменений в регионе.

С. Ф. Шмидт использует в своем докладе теоретический инструментарий, характерный для мир-системного подхода (И. Валлерстайн) к анализу современного мирового развития. Автор обосновывает возможность использования для описания современного развития Сибири понятия «двойная периферия», синтезирующего внутрироссийский и мировой контексты регионального развития. И. Г. Грушин анализирует традиционное для теории международных отношений

понятие «национальный интерес», вскрывая связь данного понятия с определенными политическими, экономическими и социальными характеристиками той или иной страны.

Вторая часть сборника — «Политическая трансформация российского пространства» — состоит из пяти докладов. А. Д. Агеев сравнивает развитие американской и российской федеративных систем. Отталкиваясь от опыта американских отцов-основателей, А. Д. Агеев указывает на недостаточность формально-юридического подхода к развитию федеративных отношений. Доклад М. Н. Арбатской посвящен популярной сегодня теме развития гражданского общества, взятой в региональном измерении. О. Л. Воронин анализирует феномен этнической преступности, парадоксальным образом свидетельствующий о развитии интеграционных процессов и на уровне криминальных сообществ. Доклад Ю. М. Капраловой посвящен интересной теме развития феномена политических партий в современной России. Ю. М. Капралова высказывает предположение о том, что традиционные для российской политики поиски «третьего пути» могут существовать вне определенного идеологического поля, подстраиваясь под конкретные обстоятельства развития страны и того или иного лидера. Функция идеологической легитимизации существующего политического режима будет в этом случае играть основную роль. Последний доклад блока посвящен анализу политического кризиса в Иркутской области в 2000 — 2001 гг. Д. В. Козлов строит свое описание кризиса, основываясь на использовании моделей, разрабатываемых различными теориями модернизации и таким популярным направлением в политологии, как транзитология.

Третий блок составляют доклады, посвященные проблеме поиска и развития идентичности различных групп населения. Как уже отмечалось, феномен структурирования самоидентичности непосредственным образом связан с посткоммунистическим развитием. Но не следует забывать, что данное направление исследований является одним из магистральных в современных гуманитарных науках в целом. Первый доклад посвящен анализу возрождения казачества в России. А. В. Ануфриев рисует интересную картину сочетания попытки обращения, даже имитации стиля жизни традиционного русского казачества и реакции на это новой власти. Н. Г. Галеткина в своем докладе, основанном в том числе и на полевых исследованиях, рассматривает развитие этнической идентичности поляков, наследников столыпинского переселения в Сибирь, сумевших сохранить свою самоидентификацию в условиях замкнутого существования в деревне Вершина (Иркутская область). М. В. Рагулина исследует восприятие окружающего мира коренными сибирскими этносами. По-

нятие «полиэтничность», используемое автором, получает при этом символическое наполнение, связанное с субъективным переживанием представителями различных сибирских народов пространственно-временных категорий.

Естественно, что не все материалы сборника равноценны по своему научному уровню. Но сам охват тем (от теории международных отношений до поиска самоидентичности в новых условиях) не может не радовать. Причем именно региональная проблематика является точкой отсчета, мерилom верификации предлагаемых гипотез. Конкретика и комплексность современного регионального развития помогают избежать как излишних абстракций, так и простого выстраивания статистических рядов.

Возможность проведения подобных конференций является неоценимым достижением современного этапа развития отечественной гуманитарной науки. Остается только пожелать востребованности данного рода исследований российским обществом.

Канд. ист. наук Д. В. Козлов

СИБИРЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

С.Ф. Шмигт (Иркутский государственный университет)

Сибирь в перспективе мир-системного анализа

Исследователям международных отношений давно стало тесно в рамках классической государственно-центричной парадигмы. Современная система международных отношений уже не сводится к системе отношений между национальными государствами и их союзами. Субъекты международного права перестали быть единственными и главными акторами (действующими лицами) мировой политики. Как социология когда-то открыла для себя, что общество не есть то, что состоит из индивидов (изучая которых можно понять, что такое общество), так и международники открыли, что мировая система не есть нечто такое, что состоит из государств и отношений между ними. То есть исследования международных отношений нельзя более строить вокруг анализа двух «объективных» факторов — интересы (цели) и силы (средства), выясняя природу интересов и измеряя силовой потенциал.

Глобализация мира — это действительно формирование глобальной и многосторонней взаимозависимости, но это не «коллективизация» и не порождение справедливого порядка, что бы ни понимать под таковой справедливостью — эгалитаризм или глобальную меритократию (вознаграждение, эквивалентное принесенной другим/всем пользе). Взаимозависимость (реальная причина и главный результат глобализации) трактуется многими политологами именно как высшая справедливость, преодоление большинства противоречий на мировом уровне; интенсификация взаимных отношений рассматривается как главный фактор, обуславливающий невозможность крупных конфликтов, войн, противоречий. Однако взаимозависимость не означает ни того, что богатые страны мира

поделятся с бедными своим богатством, ни выравнивания нормы прибыли и уровня заработной платы в разных регионах мира.

Главная политологическая проблема сегодня — формирование новых форм (мирового) неравенства, уже не сводимого к межгосударственному неравенству. Это особое «сверхгосударственное неравенство» — глобальное и региональное одновременно. Глобализация и проблема неравенства становятся ключевым и перспективным направлением исследований для политологов, международников и историков, равно как и поиск аналитических инструментов для исследования феномена глобального, а не межгосударственного неравенства.

Именно это позволяет обратиться к арсеналу мир-системного анализа. Мир-системный анализ, целое «направление» в западных социальных науках, имеющее не столько междисциплинарный, сколько сверхдисциплинарный характер, родился в середине 1970-х гг. Его появлением наука обязана деятельности И. Валлерстайна, ставшего известным в качестве ученого-африканиста, но обретшего настоящую славу благодаря реинтерпретации мировой истории в трехтомнике «Современная мир-система», огромному количеству работ, посвященных вопросам мир-системной методологии, а также значительному числу сторонников и последователей.

Появление мир-системного анализа в какой-то степени может быть связано с падением престижа так называемых теорий «модернизации», весьма влиятельных в течение двух последних десятилетий. Социально-экономическое развитие стран третьего мира не подтвердило оптимистических гипотез, основанных на этих теориях, академизм и формализм которых изначально вызвали раздражение среди политических ангажированных социальных исследователей. Уже неомарксистские теоретики зависимости и неразвитости 1960-х гг. (П. Бэран, С. Амин, А. Г. Франк и др.) отвергли принцип единства законов социально-экономического развития для всех стран мира, отстаиваемый теоретиками модернизации, утверждая, что экономическое единство самого мира предопределяет качественные различия социально-экономических и по-

литических укладов в национально-государственных организациях и количественное неравенство распределения результатов функционирования глобальной экономики среди них. Мир-системный анализ Валлерстайна и его сторонников акцентировал внимание на исторических аспектах становления подобной мир-системы, в том числе на ее возможном будущем, рассматривая современное состояние сквозь призму всей 500-летней истории всемирного капитализма.

Капиталистическая глобальная мир-система анализируется теоретиками мир-системного анализа как возникшая в результате глобальной экспансии европейского капитализма в XVI столетии. Организована эта система строго иерархически — страны ядра, периферии и полупериферии связаны асимметричными отношениями доминирования и зависимости. Причем иерархия эта изначально являлась не результатом, а главной действующей причиной капиталистической экспансии. Качественное неравенство структурных уровней мир-системы рассматривается диалектически: как ее необходимое жизненное основание (без такого неравенства невозможно накопление капитала на мировом уровне) и одновременно как источник постоянного социального, политического и идеологического напряжения в системе, угрожающий стабильности работы механизма накопления.

Декларируемый мир-системными исследователями методологический глобализм нередко оборачивается поверхностным взглядом на многие исторические и современные проблемы отдельных стран и регионов мира, на что совершенно справедливо обращали внимание критики. Одно из слабейших мест мир-системного анализа — представление структурных уровней мир-системы однородными блоками, лишенными внутренней качественной дифференциации. Совершенно очевидно, что это не так. Собственные ядра, периферии, полупериферии легко обнаруживаются в мировом ядре, мировой полупериферии, мировой периферии. Более того, процессы глобализации все сильнее обостряют эти внутренние различия, поскольку опираются на процессы регионализации, оказывающиеся не антиподом, а жизненным основанием глобализма.

На наш взгляд, наиболее интересной и пропущенной «отцами-основателями» мир-системного анализа проблемой выглядит проблема «двойных периферий». Речь идет о внутренних перифериях тех стран и регионов мира, которые изначально оказались исключенными из сообществ ядра. Россия, с точки зрения Валлерстайна, на протяжении нескольких веков, со времени включения в мировую систему в эпоху Екатерины II, сохраняет устойчивый полупериферийный статус, оказываясь неспособной повысить его, но одновременно способной препятствовать его понижению. Функциональная роль извечной российской периферии — Сибири — оказывается особенно интересной в глобальной мир-системной перспективе.

Экспансия русских в Сибири — очень сложный предмет для вынесения точных теоретических оценок. До сих пор историки не пришли к однозначному выводу о том, было ли это движение сугубо государственным, политическим, вписывающимся в общую формулу геополитической истории России — поиск безопасных границ. Или же движение в Сибирь можно рассматривать как «народную колонизацию», детерминированную этническими процессами? С нашей точки зрения, несмотря на то что первые попытки проникновения в Сибирь, приведшие в конце концов к ее присоединению к Московскому царству, совершались в силу причин вполне меркантильных (интерес к пушнине, стремление к обогащению данью инородцев), освоение Сибири определялось импульсами расширения русской, а потом российской государственности. Не случайно ослабление государства в период смут приостанавливало этот процесс, а, наоборот, не стимулировало, что наверняка должно было происходить в том случае, если данные процессы определялись только социальными факторами.

В перспективе мировой истории, к которой обращен мир-системный анализ, экспансия в Сибири фактически оказывается последней империалистической экспансией докапиталистического типа, продиктованной политическими, а не экономическими причинами. Не поиск ресурсов или новых рынков, не необходимость избавления от демографического излишка лежали в основе этой экспансии. Этим она существенно отли-

чается от экспансии, осуществляемой в то же самое время странами мирового капиталистического ядра, которая привела к постепенной инкорпорации все новых и новых регионов в капиталистическую мир-систему. Она оказалась «догоняющей» докапиталистической экспансией в период, который характеризовался процессами сугубо капиталистического расширения. Россия оказывается опоздавшей как традиционная империалистическая держава, что во многом является причиной ее опоздания к «капиталистической обедне».

Именно с этим и связана главная особенность положения Сибири в мир-системе. Это уже обозначенное положение «двойной периферии». Такого понятия нет у Валлерстайна и других мир-системщиков, но в нашем случае оно выглядит вполне применимым. Во-первых, Сибирь — это периферия полупериферийного государства (России). Во-вторых, Сибирь оказывается между двумя современными «ядрами» капиталистической мир-экономики — традиционным западно-европейским и новым, формирующимся — Япония, Китай, Юго-Восточная Азия. По отношению к обоим «ядрам» Сибирь выступает как классический периферийный регион, аккумулирующий природные ресурсы и дешевую рабочую силу, а также способный служить рынком сбыта товаров массового спроса.

И наконец, еще одно важное обстоятельство. Функциональное положение России в мир-системе позволяет предположить, что России предстоит пережить «третью волну индустриализации». Ее источники напоминают источники «третьей волны демократизации», теория которой очень популярна в современной политологии. Первая волна индустриализации осуществляется независимыми общественными силами (Англия). Во время второй волны — субъектом индустриализации оказывалось государство (Германия, Япония). Дореволюционная и постреволюционная индустриализации в России при всех своих отличиях (в первой присутствовал и независимый социальный компонент, и иностранное проникновение) сходится в самом главном — субъектом индустриализации выступало государство, бюрократия. Это позволило тому же Валлерстайну утверждать, что «...большевики реализовали планы Витте».

Третья волна индустриализации порождена мировой системой, точнее, инкорпорацией в систему. Не общественный и государственно-политический импульсы порождают ее, а превращение страны в функциональный компонент мировой системы. Источники имеют внешний характер, но одновременно это «внешнее», совпадающее с «внутренним», как глобализация совпадает с регионализацией. Это не ситуация, в которой одна страна (автономный субъект) порождает индустриализацию другой страны (другого субъекта). В данном случае индустриализация порождается функционированием целого внутри собственных элементов. Целое не есть нечто внешнее для своих частей. Оно есть «внутреннее» своих частей, но превосходящее их. Внутреннее, которое извне. Ядро мир-системы переживает деиндустриализацию (объективный процесс, легко измеряемый количественно), ибо наивысшую норму прибыли в современном мире обеспечивают новейшие постиндустриальные технологии и производства. Исторические аспекты перемещения производств, теряющих абсолютные преимущества, из стран ядра в страны периферии и полупериферии — одна из основных исследуемых проблем в мир-системном анализе. Индустриальное производство перемещается в страны полупериферии, которые, в свою очередь, перемещают их в собственные периферийные регионы, амортизируя тем самым отсутствие высоких выгод своего положения в мировой системе. Именно эта «третья индустриализация» и станет источником экономического роста России, а также развития Сибири внутри нее. Можно не сомневаться, что зависимый характер такого развития, а также его не столько догоняющий, сколько «прицепной» характер не сразу станет очевидным. Долгое время он будет восприниматься как зримое свидетельство удачного характера либеральных реформ в России, однако рано или поздно отсутствие прямой связи этих процессов с доктринальными обоснованиями традиционного либерализма станет очевидным.

И.Г. Грушин (Иркутский государственный университет)

Национальный интерес: основные направления исследования

Настоящая работа посвящена проблеме национального интереса. Что такое «национальные интересы», чем они определяются, в какой точке политического пространства располагаются, являются ли они константными или переменными, и вообще, насколько правомерен сам термин «национальный интерес»? Не есть ли это скрытый социальный миф, миф, созданный и тиражируемый западным (либеральным) образом мысли, предназначенный для маскировки триумфа победившей буржуазии — вот круг вопросов, представляющих не только научно-теоретический, но и практический интерес для жизни государства.

Актуальность предлагаемой темы исследования для политической реальности Российского государства очевидна. Наверное, никакая другая проблема не стоит сегодня столь остро перед нашей страной, как проблема национальная. Крах единой имперской идеологии открыл в политическом пространстве множество подавляемых, репрессируемых и отнесенных на периферию социального опыта «идеологий» и «языков», обретших в новых условиях собственную уникальность и не желающих вписываться в стратегию устаревших форм власти. Производимые тоталитарной властью своеобразные «эффекты контрвласти» (локальные всплески национализма в советскую эпоху) считались своего рода нормой жизни, поскольку вырабатывали столь необходимый для этого типа власти образ врага, однако могли легко быть подавляемы с позиции силы. Разрешение национального вопроса было возможно лишь в терминах силы, и подобная ситуация была связана с

существованием и функционированием единого политического и идеологического пространства.

Распад Советского Союза потребовал выработки новой политической философии, которая, в отличие, скажем, от великодержавной советской идеологии, должна не только и не столько предшествовать политическому действию, сколько стать самим политическим действием. Эта философия должна говорить не от имени абстрактных и всеобщих ценностей, закрывая глаза на реально существующие различия в политическом дискурсе, но попытаться дать право голоса другим, периферийным языкам. Только тогда станет возможно не подавлять, а управлять национальными процессами, и только в этом случае политическая философия станет гибкой и чуткой к малейшим изменениям политической конъюнктуры, что позволит не просто пассивно реагировать на происходящие процессы, но и опережать и воздействовать на них.

В условиях, когда советская общность распалась, а российская еще не сложилась, центральной проблемой общества является поиск общей базы согласия. Понятие «национальный интерес» (очищенное от той размытости и неопределенности, которые стали общим местом в литературе¹, что позволяет понимать под «национальными интересами» все что угодно) может стать краеугольным камнем внешней и внутренней политики Российского государства.

Исследователи отмечают, что «национальный интерес» имеет два аспекта: внутренний и внешний². Определение внутреннего аспекта «национального интереса» необходимо для сохранения территориальной целостности России (когда «большие» — Чечня, Татарстан — и «малые» — Якутия, Сибирь, Урал — национальные движения, столь легко подавляемые в тоталитарную эпоху, все больше ставят эту целостность под сомнение). Такое определение также тесно связано с возможной в будущем дискуссией о федеративном или конфедеративном устройстве России. Внутриполитический аспект «национального интереса» порождает важнейшую, на наш взгляд, проблему соотношения и разграничения российского и русского национального интересов. Как нам представляется, данная

дискуссия будет наиболее принципиальной в теоретическом и наиболее болезненной в практическом плане.

Определение внешнеполитических нюансов «национальных интересов» должно стать основой любого действия государства на международной арене. Этот план, возможно, не столь актуален сегодня, но в перспективе его значение не стоит недооценивать. Очевидно, что неолиберальные идеологии, постулирующие «смерть государства» как самостоятельного действующего лица в международной политике³, сталкиваются и будут сталкиваться с определенными трудностями, связанными с неоднозначностью интеграционных процессов в мире. Учитывая появившиеся мнения о возможной обратимости этих процессов⁴, мы вправе ожидать некоего ренессанса государственной политики, основой которой, как известно, является национальный интерес⁵. Применительно к российским политическим реалиям определение внешних аспектов «национальных интересов» порождает проблему, мало обсуждаемую и упускаемую из виду. Общеизвестно, что Россия является правопреемницей Советского Союза. Но наследует ли также Россия «национальные интересы» своего предшественника?

Если «да», то не придется ли нам признать необходимость возвращения концепций «холодной войны», поскольку советские «национальные интересы» сформировались и развивались именно в рамках этих концепций? А если «нет», может, не стоит столь остро реагировать на вероятное продвижение НАТО на Восток и ослабление позиций России на Балканах? В таком случае можно ли сформировать новые национальные интересы, соответствующие сегодняшней политической и международной конъюнктуре и как бы начать отсчет нового политического времени для России? Однозначных ответов нет, но ясно одно — необходимы дискуссия и поиск общей основы для согласия.

И еще один момент. Не секрет, что опыт политологической мысли в России достаточно беден. Политология в России (в самом широком понимании) вот уже два века существует на уровне спора славянофилов и западников, спора чисто ака-

мического, не имеющего выхода на процесс принятия решений. Для одного рода идеологий был характерен упор на «великорусские» настроения, подпитываемыми идеями о так называемом особом пути развития России, обеспечивающем политическое, экономическое и социокультурное своеобразие России. Различного рода формулы, построенные по примеру знаменитой триады: «самодержавие, православие, народность», как раз относятся к этому типу. Данные концепции не представляют интереса не потому, что они «неправильные», а потому, что они ничего не дают в силу своей универсальности, абстрактности, неподвластности позитивному категориальному анализу. Концепции иного рода отстаивали не столько русские, сколько российские национальные интересы, они ориентировались на опыт либеральной мысли на Западе и в той или иной степени представляют собой перенос политических идей, выработанных на Западе, в российский контекст. Западный опыт сегодня может сыграть двоякую роль. С одной стороны, политическая философия, уже долгое время разрабатывающая концепцию «национального интереса» (причем в применении как к многонациональным, так и к полинациональным образованиям, что весьма важно), философия, прошедшая солидную верификацию практикой, а в некоторых случаях и ставшая практикой, может оказаться полезной в плане формирования некой базы для последующих собственных политологических и геополитических построений. Россия отстает от Запада, но сегодня это надо воспринимать как преимущество. У нас есть возможность критически переосмыслить опыт западной цивилизации и, по возможности, попытаться избежать ее ошибок.

Но есть и другая сторона. Процесс восприятия и осмысления достижений западной культуры может быть конструктивным только в том случае, если он не будет ломать традиционных структур «принимающих обществ», а будет идти параллельно или, если угодно, поверх этих структур (как это происходит в Латинской Америке, Японии или на Ближнем Востоке). Стремление западной цивилизации к ассимиляции других культур (черта, подмеченная еще О. Шпенглером и став-

шая общим местом в историографии от Г. Маркузе до Р. Барта)⁶ должно встретить отпор со стороны ассимилируемых обществ, если эти общества, конечно, не стремятся к самоуничтожению. Сопротивление достаточно легко достижимо, когда речь идет о материальных ценностях. Можно закрыть границы, прекратить поставки импортных товаров, но проблема этим не ограничивается. Отличительная черта нашего времени состоит в том, что экспансия Запада осуществляется уже не в терминах военной силы, а скорее, в терминах представлений (куда можно включить видео, масс-медиа, информационные потоки и т. д.). Как результат — «размывание культур», их унификация, рождение «одномерного» человека (Маркузе). «Гигантский штамповочный станок уже выполняет свою роль фабрики коммуникаций: он отливает умы в единообразные, стандартные формы и обеспечивает каждой человеческой единице соответствие заданной модели... благодаря своего рода социальной терапии у многих людей вызываются одни и те же мысли, одни и те же образы, которые, как радиоволны, распространяются повсюду»⁷. Сопротивление идеям и представлениям гораздо труднее, они эффективно маскируются такого рода мифологемами, как «общечеловеческие ценности». Людей постоянно приучают к мысли, что термины «свобода», «равенство», «демократия», «национальный интерес» в принципе могут описать любую ситуацию в любом месте земного шара. В результате же, по меткому замечанию Ролана Барта, эти термины начинают страдать «истечениями смысла» и превращаются в фикции и абстракции. Стоит напомнить, что термины, пришедшие к нам из западного политического языка, сложились в строго определенном месте и в строго определенных исторических условиях, что они не всегда применимы к другим культурам.

В связи с этим необходим тщательный анализ западных концепций «национального интереса» (прежде всего американских, относящихся к школе «политического реализма», в рамках которой, собственно говоря, и зародилось данное понятие).

Как видно из вышеотмеченного, эти концепции могут быть актуальными для сегодняшнего дня, как в плане помощи, так и в плане предостережения.

Цели и задачи исследования концепции «национального интереса» располагаются в трехмерном смысловом пространстве. Первую грань этого треугольника можно назвать историей, и соответствующая ей задача исследования является конкретно-исторической. Речь идет о необходимости выяснения того простого факта (парадоксальным образом не замечаемого и не исследуемого современной наукой), действительно ли существует школа «политического реализма»? Название это давно уже стало классикой политологии и теории международных отношений и вошло в широкий обиход, но его реальное содержание вызывает серьезные сомнения. Если по поводу признания Г. Моргентау отцом-основателем политического (или, как еще говорят, классического) реализма возражений ни у кого не возникает⁸, то вот дальнейший список авторов, якобы объединяемых школой, весьма разносортен, и зачастую зависит от личных вкусов и взглядов исследователей, занимающихся данной проблемой. Тезис Моргентау о необходимости мыслить политику реально⁹, совершенно независимо от намерений автора, открывал широкое поле для псевдонаучных спекуляций и заблуждений. В результате получалось так, что каждый, кто заявлял, что он реалист в политике, автоматически заносился в список последователей Моргентау, хотя даже при поверхностном рассмотрении не имел с ним ничего общего¹⁰. В то же время ученые, на словах дистанцировавшиеся от идей американского политолога, могли быть генетически связаны с его воззрениями¹¹. Подобного рода противоречие не могло не сказаться на общей оценке реальности самой школы «политического реализма». Между тем ответ на поставленный вопрос не является разрешением сугубо академической проблемы. Если мы признаем, что политический реализм — это действительно школа, объединенная общими принципами и общей идеологией, в той или иной степени проявляющейся в работах различных авторов, нам придется признать факт существования особого направления политологи-

ческой мысли в США, которое не было чем-то случайным и конъюнктурным. Более того, признание политического реализма школой позволяет предположить, что она волей-неволей обязана была влиять на процесс формирования внешней политики США в послевоенные годы. Вопросы, связанные с тем, каким образом могло происходить такое влияние, каких успехов оно достигло, или, наоборот, почему не получило распространения среди политической элиты США, не входят в круг рассмотрения настоящей работы, но разрешение поставленной задачи могло бы в будущем значительно облегчить поиски ответов на них. Иначе, если мы не докажем существования школы Г. Моргентав, нам придется смириться с тем, что идеи последнего в лучшем случае так и остались идеями и оказались лишенными главного качества философии политики — укорененности в будущем.

В этой же конкретно-исторической плоскости приходится решать еще одну принципиально важную задачу, тесно связанную с первой. Если допустить, что школа «политического реализма» существует, то вполне закономерен вопрос, каким образом и в каком направлении она трансформировалась на протяжении последних лет. Не секрет, что политология — это наука, в наименьшей степени подверженная мифологизации (понимая миф, вслед за Р. Бартом, как трансформацию реальных вещей в их образы или истории в природу¹²), она сильно зависима от конкретного политического момента и положения, как в отдельной стране, так и во всем мире. В отличие от философии, чьи теории на протяжении многих столетий оставались относительно устойчивыми, политологические школы и теории подобным постоянством похвастаться не могут. Это не их достоинство и не их недостаток, это просто особенность метода политологии, а точнее, того аспекта бытия человека, к которому он обращается. Поэтому чисто гипотетически можно и нужно предположить, что политический реализм должен был по необходимости изменяться. В какую сторону и каким образом — это и предстоит выяснить. Иначе правомерно ли употреблять термин «неореализм», который в последнее

время достаточно широко вошел в моду?¹³ Таким образом, встает задача выявления значения понятия «политический реализм», времени его существования и эволюции развития.

Вторая плоскость, в которой располагаются задачи исследования, может быть названа плоскостью философии политики и международных отношений. Она является основной и центральной для любого анализа концепции «национального интереса». Речь идет о необходимости выяснения сущности понятия, характерного исключительно для политологии — понятия «национальный интерес». Что оно означает, какие составляющие и компоненты включает, чем определяется, как его трактовка варьировалась в работах различных авторов в разные исторические промежутки времени и с чем это связано, наконец, есть ли основания смешивать понятия национального и государственного интересов (особенно применительно к многонациональным государствам) — вот круг проблем, которые далеко еще не разрешены на теоретическом уровне.

Как уже говорилось, термин впервые был введен в употребление представителями школы «политического реализма»¹⁴ и традиционно связывается с такими именами, как Г. Моргентав, К. Уолц, Р. Гилин. Это естественным образом суживает теоретические подходы. Сразу возникает возражение, которое лежит на поверхности. Правоммерно ли такое сужение? Ни для кого не секрет, что национальные интересы существовали задолго до Г. Моргентав, а национальное видение истории существует, по крайней мере, столько же, сколько существует и сама история. К примеру, такой авторитетный исследователь реализма, как Д. Болдуин, вообще предпочитает говорить о реализме и идеализме как двух типах политической мечты, наблюдаемых в истории¹⁵. Значительно упрощая, проблему можно было бы сформулировать так: почему Моргентав? Во-первых, хотелось бы ответить, что изучение национального подхода к истории далеко выходит за рамки наших рассуждений и вряд ли вообще такой комплексный подход осуществим на практике. А во-вторых, Моргентав подразумевал под национальным интересом, скорее, государственный интерес, и дело

даже не в том, что он был здесь первым (хотя это важно), дело в том, что этот факт значительно смещает акценты исследования. Нас не интересует здесь логика и идеология национализма. Интересно другое. Каким образом государство, ориентируясь на идеологию государственного интереса, оказывается в состоянии управлять довольно сложными и гетерогенными процессами, причем не только на международной арене, но и на внутренней (в том числе и национальными)?

Еще одно важное замечание касается того, что национальный (государственный) интерес есть понятие органическое, оно не есть механическое сложение понятий «нация» («государство») и «интерес»¹⁶. Изучение наций и интересов самих по себе не только является задачей других наук, но и совершенно ничего не дает в плане понимания сложившегося термина «национальный интерес».

Большая сложность в данном вопросе проистекает из терминологической путаницы. Очевидно, что понятия подобные «национальному интересу» достаточно сложны для категориального анализа, и здесь было бы уместно указать на истоки этой трудности, что облегчит и понимание нашего подхода.

Как отмечают исследователи, это понятие «стало широко употребляться в дипломатическом языке, начиная с XVII в. — времени образования национальных государств в Европе»¹⁷. Можно принять подобную точку зрения с небольшим замечанием. XVII в. в Европе — это не только эпоха образования национальных государств, но и время победы буржуазных революций (Голландия, Англия, столетие спустя, Франция). Важно то, что процесс национальных и буржуазных революций в Европе практически совпадал (интересно, что в Германии, где буржуазная революция произошла позднее, наблюдался тот же процесс), и идеологи национальных интересов говорили в значительной степени языком буржуазии.

Первоначально понятия нации и национального интереса носили ярко выраженную политическую окраску. Французский исследователь Ролан Барт, посвятивший свою жизнь выявлению буржуазных «мифологий», прямо указывает на то, что в XVII в. «идея нации была прогрессивной, поскольку по-

могла буржуазии, заручившись поддержкой многочисленных слоев населения, свергнуть господство аристократии»¹⁸. С течением времени, считает Барт, нация все более и более деполитизировалась, все сильнее и сильнее сливалась с гражданским обществом, и здесь, по нашему мнению, стоит искать корни тождественности понятий «национальный» и «государственный» интерес в современной политологии. Победившая буржуазия использовала понятие нации для того, чтобы обеспечить бесконфликтность своего господства, она считает себя вправе не только растворять свою сущность в этом понятии, но и исключать из него лиц или группы, которые пытаются критически воспринимать существующее общество (коммунистов например). Подобный процесс происходит и в сегодняшней российской действительности. Человек, собирающийся голосовать за КПРФ, не столько делает свой личный выбор или высказывает свою позицию, сколько выступает против национальных интересов России, против ее естественного выбора. Хотя совершенно не понятно, как из нации, призванной по определению представлять всех членов общества, можно исключать идеологических противников. Таким образом, первоначально понятие нации носило скорее политический, т. е. разъединяющий, нежели объединяющий смысл. Тот термин «нация», которым апеллируют сегодняшние политики, весьма далек от изначального, он является результатом длительного развития капитализма, постепенной интеграции различных антагонистических и неантагонистических классов и сословий в общую ткань государственной жизни, результатом сглаживания социальных конфликтов и создания конформистского общества потребления. На Западе сегодня гораздо комфортнее чувствовать себя в анонимной и безличной нации, которая подобно «*populae homani*» дает все социальные блага и преимущества, нежели принадлежать к какому-либо классу и быть оттесненным на периферию социального опыта. Ганс Моргентау высказался по этому поводу вполне определенно: «процесс национального освобождения должен, конечно, остановиться в какой-то точке, и эта точка будет определяться не логикой самого национализма, но распределением интере-

сов и силы между управляемыми и управляющими и между соперничающими друг с другом государствами»¹⁰. К сожалению, в России «социализация» нации еще не произошло и процесс национального освобождения все еще определяется логикой национализма.

Столько же, если не больше, путаницы с национальным интересом. Очевидно, что национальный интерес связан с понятием нации. Но если понимать нацию так, как ее понимали в XVII в., как гетерогенное образование, как носителя определенной политической стратегии, то тогда национальные интересы будут совпадать с классовыми или социальными и будут определяться политической конъюнктурой победившего класса и группы. К примеру, нет смысла, с этой точки зрения, говорить о национальных интересах Советской России в 1920 — 1930 гг., нужно говорить о классовых интересах большевистской партии, направленных на достижение мировой революции и победы над буржуазией. Аналогично нет смысла говорить о национальных интересах США, можно лишь подчеркивать социальные интересы крупных или средних слоев буржуазии. Нация в широком понимании не может быть представлена в подобного рода отношении.

Столь значительный экскурс в историю был предпринят с одной единственной целью — показать, что изучение национальных интересов — задача науки политической (политологии или философии политики), поскольку в понятии нации скрыт тайный пласт коннотации, имя которому — политика.

В этой же плоскости можно выделить также и побочную задачу, представляющую весьма большой интерес. Было бы любопытно посмотреть на ту критику, с которой столкнулись «реалисты» с их теориями «национального интереса», со стороны прежде всего их оппонентов из довольно большого и аморфного лагеря «либералов». Эта критика тем интересней, что она проводит водораздел между двумя буржуазными идеологиями послевоенного времени. Хотя ученые и отмечают, что подобного рода критика носит чисто гипотетический характер, поскольку ее плодотворность зависит от реальных событий, которые произойдут в ближайшее будущее в Европе, а

в настоящее время она не может быть верифицирована практикой (по крайней мере, до тех пор пока не закончится процесс объединения Европы), тем не менее она очень четко показывает ограниченность и существенные недостатки подхода «реалистов» к политике государства, связанной с чрезмерным превознесением национальных интересов.

Наконец, третья плоскость задач может быть обозначена как футурологическая. Она тесно связана со второй, а особенно с анализом результатов той критики, которой были подвержены концепции «национального интереса». Ее можно представить как поиск ответа на вопрос: есть ли будущее у национальных интересов? Не являются ли сегодня, когда центристские силы (по крайней мере, на Западе) очевидно преобладают над центробежными, основные положения Г. Моргентау и его последователей устаревшими, и не требует ли сегодняшняя политическая конъюнктура новых концепций, которые оперировали бы уже совсем иными ценностями? Вопрос не такой уж риторический, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, объединительные процессы вызывали и вызывают своеобразные контрэффекты (баски в Испании, Квебек в Канаде, Ольстер в Великобритании, не говоря уж о процессах в Восточной Европе). Идеология этих контрэффектов с неизбежностью должна обратиться к наследию Моргентау, продлевая ему жизнь в таких условиях, о которых американский политолог не мог и предполагать. А во-вторых, не свидетельствует ли кажущаяся непригодность «национального интереса» сегодня об общем методологическом кризисе гуманитарных наук и о неизбежном отказе этих наук от каких-либо претензий на универсальность? Мыслишь политику реально — не есть ли это синонимом мыслишь политику конъюнктурно? И здесь может также находиться ответ на вопрос о будущем теории школы «политического реализма».

Таким образом, изучение «национального интереса» располагается на стыке истории, политологии и футурологии.

- ¹ Поздняков Э.А. Философия политики: В 2 т. — Т. 1. — М., 1994. — С. 53.
- ² Там же. — С. 62 — 78.
- ³ См. напр.: Thompson K. Political Realism and the Crisis of the World Politics. — N.Y., 1986. — P. 26.
- ⁴ См. напр.: Gilpin R. The Richness of traditions of Political Realism // Neorealism and its Critics. — N.Y., 1986. — P. 304.
- ⁵ Morgenthau H. Politics among nations. — N.Y., 1967.
- ⁶ Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1992. — Т. I. — С. 123.
- ⁷ Маркузе Г. Одномерный человек. — М., 1994.
- ⁸ Morgenthau H. Op. cit.
- ⁹ См. напр.: Ashley R. The poverty of Neorealism // International Organizations. — 1989. — №38 (spring). — P. 225 — 286.
- ¹⁰ См. напр.: Claude Inis. Power and International Relations. — N.Y., 1962. — P. 200.
- ¹¹ Ibid. — P. 202.
- ¹² Барт Р. Избранные сочинения. — М., 1994.
- ¹³ Waltz K. Theory of International Politics. — N.Y., 1979.
- ¹⁴ Morgenthau H. Op. cit.
- ¹⁵ Baldwin D. Neoliberalism, Neorealism and World Politics // Neorealism and Neoliberalism. The Contemporary Debate. — N.Y., 1991. — P. 11.
- ¹⁶ Барт Р. Указ. соч.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Morgenthau H. Op. cit.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.Д. Агеев (Иркутский государственный университет)

Американский опыт и реформа федеральной власти в России

Изучение зарубежного, в частности американского, опыта конституционного устройства и федерализма полезно и актуально потому, что помогает понять, что для нас приемлемо, а что нет, способствует реальному осознанию положения наших дел и выработке вариантов практических действий. Чужой опыт учит тому, как надо действовать, но еще больше тому, как действовать не надо.

Россия в очередной раз оказалась в порочном круге: нельзя идти вперед, не возвращаясь назад. Невозможно предотвратить распад государства, не восстанавливая вертикаль управления, т. е. унитаризм. Но восстановление унитарного устройства может быть лишь временной мерой, которая, кроме всего прочего, опасна тем, что существующий реально сепаратизм, легализованный под именем суверенитета, примет форму мятежа, т. е. ярко выраженных антиконституционных действий.

Американцы по достижении независимости находились в сходном положении. «Как государство, — писал А. Гамильтон, — мы дошли до крайней степени унижения. Вряд ли осталось что-нибудь из того, что способно ранить и оскорблять достоинство независимого народа, что не выпало еще на нашу долю»¹. Американцы имели конфедерацию с почти не ограниченной самостоятельностью штатов, а Статьи Конфедерации были скорее союзным договором, нежели конституцией. Противоречия между штатами были столь велики, что угрожали распадом государства с неизбежным обращением тех или иных штатов к помощи внешних сил с перспективой установ-

ления тиранического или монархического правления. Противники создания более прочного союза говорили, что учреждение сильного центрального правительства приведет к утрате штатами только что завоеванного суверенитета и гражданских свобод. Федералисты, напротив, очень убедительно доказывали, что «для сохранения свободы необходимо сильное правительство». Прежде всего надо было убедить общественное мнение в необходимости реформирования американской конфедерации, а потом уже разъяснить основные принципы реформирования. Нельзя не отметить практичность и проницательность, способность ощущать остроту момента, дальновидность, силу эмоционального воздействия и неотразимую убедительность аргументов, свойственные американским отцам-основателям, а в их числе — авторам серии статей, подготовившей общественное мнение к принятию новой конституции и вошедшей в историю под названием «Федералист», — А. Гамильтону, Дж. Мэдисону, Дж. Джею.

Гамильтон доказывал, что при сохранении штатами полной самостоятельности они неизбежно будут вступать в частные вооруженные конфликты друг с другом. «Полагать, что отсутствие причин для таких конфликтов делает сами конфликты невероятными, значит забывать, что людям свойственны честолюбие, мстительность и хищничество». Весь опыт истории тому свидетельство². Гамильтон особо оговаривается, что его задача «показать способность Союза сдерживать внутренние разлады и мятежи»³. Противники принятия новой конституции ссылались на учение Монтескье, на получивший широкое распространение догмат о неприемлемости для обширных государств республиканской формы правления. Если это утверждение, говорил Гамильтон, принимать за «эталон истины», «нам ничего не остается делать, как только выбирать между поисками спасения в объятиях монархии либо последовательным дроблением штатов на бесконечно мелкие, завистливые, бранчливые мелкие республики — эти гнусные рассадники нескончаемой распри, вызывающие повсеместно лишь жалость и презрение»⁴. Предостережения Гамильтона не были агитационной уловкой. Через несколько десятилетий его пред-

положения подтверждались: даже при наличии сильного федерального правительства и отсутствия у штатов права выхода из Союза сепсиса (отделение) все же произошла, и между Севером и Югом разразилась 4-летняя кровопролитная война.

Те, кто способен охватить общую картину кризиса, писал Гамильтон в первой, вступительной статье «Федералиста», понимают со всей очевидностью, что единственной альтернативой принятию конституции может быть только расчленение Союза⁵. У противников создания единого государства помимо личных интересов были и основательные аргументы. «Среди них, — писал Гамильтон, — ведутся разговоры о том, что тринадцать штатов — это слишком обширная территория для утверждения какой-либо всеобщей системы, что необходимость заставит разделить эти тринадцать штатов на отдельные конфедерации, «объединяющие различные части целого»⁶. В заключительной статье цикла, отстаивая все ту же мысль о необходимости создания прочного союза американских штатов, Гамильтон восклицал: «народ без общенационального государства — вот... картина, внушающая ужас»⁷.

Главным аргументом противников принятия новой конституции была ссылка на то, что интересы штатов столь различны, а их территория столь велика, что создаваемое конституцией федеральное правительство не сможет обеспечить эффективное управление, поэтому надо смириться с невозможностью создания единого государства. Гамильтон подходил к делу с другой стороны. Для него союз — это высшая ценность, а обеспечить его безопасность может только сильное центральное правительство: «Одно должно быть бесспорно: возражение, основанное на доводах об обширности страны, являющееся убедительным доводом в пользу сильного правительства, ибо никакое другое правительство не сумеет сохранить Союз, охватывающий столь обширную территорию»⁸. Анализируя теорию Монтескье, федералисты настаивали на том, что необходимо различать прямую демократию, свойственную малым государствам, и республику, где форма власти представительная, вследствие чего государство с республиканским правлением может охватывать обширную территорию.

Доказывая необходимость и преимущества союза, Гамильтон разъяснял, что федерализм — это не только и не столько форма территориально-административного устройства, это — способ распределения власти. «Противники новой конституции все еще задаются целью совместить несовместимое: усилить федеральную власть без ослабления власти штатов, добиться суверенитета Союза и полной независимости штатов»⁹. «Народ, — писал Джей, — должен уступить центральному правительству часть своих естественных прав, чтобы наделить правительство полагающейся ему властью»¹⁰.

Авторы «Федералиста» не переставали подчеркивать, что американцы должны сохранить союз, не уничтожив при этом завоеванной свободы и прав граждан. Они не могли пойти на установление авторитарной формы правления, ибо только что избавились от нее. Они пошли по пути создания федерации с сохранением за каждым штатом значительного и равного объема власти при верховенстве федеральных законов и федеральных органов. «Осознав по неоспоримому опыту всю несостоятельность нынешнего федерального правления, вы, — обращался Гамильтон к гражданам штата Нью-Йорк, фактически же ко всем американцам, — призваны теперь к обсуждению новой конституции для соединенных Штатов Америки. Значение этого дела говорит само за себя, ибо последствия его охватывают не более, не менее как существование самого СОЮЗА, безопасность и благоденствие частей, его составляющих, судьбу наиболее интересного государства в мире. В последнее время часто утверждают, что именно на долю нашего народа, судя по его поведению и примеру, выпало решить важный вопрос: действительно ли способны сообщества людей к выбору, либо обречены они навечно иметь основанием своего политического объединения случай и силу. Если есть в этих утверждениях хоть на толику истины, то в этом кризисе, что постиг нас, можно справедливо усмотреть знак времени, когда вопрос этот должен разрешиться. Поэтому и ошибку в избрании предстоящей нам роли мы должны мыслить как бедствие»¹¹.

Гамильтон говорит здесь, с впопоне приличествующем данному случаю пафосом, не просто о постигшем Соединенные

Штаты кризисе, но о «знаке времени». Говоря о «поведении и примере» американского народа, Гамильтон имеет в виду то, что американцы завоевали независимость и свободу. Но этого недостаточно. Эти великие достижения могут быть утрачены, как это уже не однажды случилось в истории, если не будет учреждено соответствующее политическое устройство¹². Гамильтон говорит о величии предстоящей американскому народу роли, неудачу же он рассматривает как бедствие. Можно вести речь о мессianстве Гамильтона, но он, хорошо знавший всемирную историю, мог привести достаточно примеров, когда на месте павшей тирании после мимолетной свободы воцарялась новая, еще более жестокая тирания. Он приводил также и множество примеров, когда судьбу формы правления самого государства решала случайность. Последующая история подтверждала это правило.

Отцы-основатели прекрасно понимали и то, что самая опасная и самая опасная политика — апеллировать к народной стихии. Суверенитет, свобода, демократия превращаются в свою противоположность, если их не обставить ограничителями и противовесами. Гамильтон внушал американцам парадоксальную и вроде бы противостественную в их условиях мысль, которая, казалось бы, противоречила общественному договору: «Для сохранения свободы необходимо сильное правительство». «... Опасное честолюбие чаще прячется под маской заботливости о правах народа, чем за суровой внешностью ревнителей твердого и действительного правительства. История учит, что такая заботливость ведет к деспотизму скорее, чем суровость сторонников могущественного правительства, и что из всех мужей, которые попирали свободы республик, большинство вступали на свой путь, лствиво преклоняясь перед народом: начинали демагоги, а кончали — тираны»¹³.

Отцы-основатели отнюдь не фетишизировали формальные атрибуты демократии. Для того чтобы демократия служила своему назначению, необходимы некоторые условия. Так, Т. Джефферсон, более других известный своим демократизмом, критиковал конституцию Виргинии за то, что все ветви власти сходятся в «законодательном органе». «Средоточие их в од-

них и тех руках как раз и определяет деспотическое правление. Ничуть не будет легче, если вся власть находится в руках многих, а ни кого-то одного. 173 деспота несомненно будут угнетать так же, как и один. Пусть те, кто сомневается в этом, посмотрят на Венецианскую республику. Что из того, что они нами выбраны? *Выборный деспотизм* — это не та форма правления, за которую мы боролись. Мы боролись за такую форму правления, которая не только должна основываться на принципах свободы, но при которой правящая власть была бы так разделена и уравновешена между несколькими институтами власти, чтобы ни один из них не смог бы выйти за пределы своих законных полномочий, не встретив эффективного сдерживания и противодействия со стороны остальных»¹⁴.

Отцы-основатели хотели создать нечто лучшее, избежать ошибок Старого Света — поэтому ко всему относились так внимательно. Они исходили из конкретных исторических обстоятельств, но хорошо знали теорию и учитывали опыт других стран. Джефферсон указывает на многие случаи того, как законодательная власть Виргинии принимала решения по вопросам, которые должны были быть оставлены для судебного разбирательства. Делалось это без всяких дурных намерений. Взгляды нынешних членов законодательных органов Виргинии, писал Джефферсон в «Заметках», абсолютно честные. Возможно, так будет продолжаться еще некоторое время, но не очень долго. Люди научатся извлекать пользу из обладания любыми правами и властью. «Вскоре обнаружится, что общественные деньги и свобода общества, которые должны находиться в руках трех институтов власти, но по оплошности оказавшиеся в руках лишь одного, являются источниками богатства и господства для тех, кто ими владеет. Здесь есть одна соблазнительная особенность: орудие и цель приобретения здесь соединяются. Будут деньги, будут и люди, говорил Цезарь, а будут люди, будут и деньги. Наша ассамблея также не должна быть обманута честностью своих собственных целей и делать отсюда вывод, что этими неограниченными возможностями никто никогда не будет злоупотреблять, потому что она сама не склонна злоупотреблять ими. Следует ожидать того време-

ни, а оно недалеко, когда коррупция в нашей стране, как и в той, от которой мы исходим, охватит стоящих во главе правления и распространится от них на весь народ, когда они станут покупать голоса народа и заставят его заплатить себе полной ценой. Человеческая натура одинакова по обоим сторонам Атлантического океана, и она будет оставаться одинаковой при влиянии одних и тех же причин. Противостоять коррупции и тирании надо до того, как они завладеют нами. Лучше вообще не впускать волка в овчарню, чем надеяться на то, что сумеешь выдрать ему зубы и когти после того, как он туда войдет»¹⁵.

Указывая на свойственные человеческой натуре пороки, Гамильтон выделял среди них алчность и властолюбие, стоящие на пути общественного интереса. «Среди наиболее внушительных преград, стоящих на пути новой конституции, в первую очередь обращает на себя очевидная заинтересованность определенного класса лиц в каждом государстве, то есть штате, оказывать сопротивление любым переменам, которые могли бы привести к уменьшению власти, жалования и влияния должностей, занимаемых ими в учреждениях штата. То же относится и к противоестественному властолюбию класса лиц, которые надеются либо возвеличить себя благодаря разброду в стране, либо лишить себе, воображая, что им будет легче достигнуть верхушки власти при условии распада государства на несколько частичных конфедераций, чем в условиях союза при едином правлении»¹⁶.

Для отцов-основателей не существовало вопроса относительно того, что основы и принципы должны быть утверждены с самого начала. Отступление от принципов нельзя оправдывать обстоятельствами и волей случая.

У нас же обстоятельства всегда стоят впереди принципа. В России преобладал политический и бюрократический мотив, но отсутствовал конституционно-юридический принцип. Часто изменения в территориально-административном устройстве происходили в соответствии со вкусами и предпочтениями очередного главы государства. Были попытки положить в основу территориально-административного деления (особен-

но в восточных областях) хозяйственную специализацию регионов. Если посмотреть на историю административного деления Сибири, то больше всего поражает непоследовательность и отсутствие единого принципа. Так, в 1930-е гг. традиционно относящиеся к Южной Сибири Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская области отошли к Казахской ССР.

Конституция РФ выросла из хаоса, но она и зафиксировала хаос. Наша конституция не стала «общественным договором». Если следовать теории Руссо, то переход из естественного состояния в гражданское сопровождается превращением владения, происходящего из узурпации и силы первого захватчика, в собственность, основанную на праве и законах. Общественный договор, говорит Руссо, «заменяет моральным и законным равенством то физическое неравенство между людьми, которое могла создать природа; люди, будучи неравны по силе и уму, становятся равными путем соглашения и в силу права»¹⁷. Общественный договор — это «положительный акт», который делает члена гражданского коллектива собственником какого-нибудь имущества, но лишает его права на все остальное. Раз его доля отмежевана, он должен ею ограничиться, и на другое имущество он уже никакого права не имеет. В гражданском состоянии «люди уважают не столько то, что принадлежит другому, сколько то, что не принадлежит им»¹⁸. Американская конституция консервативна. Это конституция собственников. Она законодательно утвердила отношение к частной собственности как к священной и неприкосновенной. Принято считать, что американским отцам-основателям было легче — поскольку они созидали американский конституционализм и федерализм на «чистой почве». Это верно лишь отчасти, ибо хаоса в Америке было не меньше, чем в Европе, народная стихия также давала о себе знать. И дело не столько в «чистой почве», а в том, что многие из отцов-основателей — одни реально, по крайней мере, в колониальные времена, другие стихийно — были английскими юристами. Двести с лишним лет их упрекают в том, что они защищали права собственников. Иного и быть не могло.

Юристы в буржуазную эпоху защищают право собственности как священное и неприкосновенное. Революция в Америке оттого и произошла, что колонисты хотели отстоять право собственности как священное и неприкосновенное. Они тяготились отнюдь не политическим гнетом, а посягательством метрополии на экономические интересы буржуазии и плантаторов. При этом они ссылались на конституционное право, прибегали к юридической аргументации, указывая, в частности, на то, что Англия ввела налогообложение без представительства. Освободительный момент в американской революции имел явную экономическую изнанку. Американская революция была буржуазной в полной мере — ее участники защищали свою собственность, стремясь, естественно, к ее преумножению, но у них не было помыслов о переделах или экспроприациях. Наша конституция консервативна не в меньшей мере и также является конституцией собственников. Чем же в таком случае можно объяснить ее крайнюю слабость? Именно отсутствием отношения к собственности как к священной и неприкосновенной. Главным мотивом и общим фоном нашей революции (начала 1990-х гг.) была экспроприация собственности, прямое ее расхищение с последующими криминальными разборками. Совершенно очевидно, что либеральномонетаристы были большевиками «наизнанку» и действовали по принципу «экспроприации экспроприаторов». Это грандиозное перераспределение национального богатства происходило не на правовой основе, когда то, что по закону не принадлежит тебе — священо и неприкосновенно, а по праву «первого захватчика». Все это не внушило священного трепета к награбленной собственности и мысли о ее неприкосновенности, но как бы возродило старое прудоновское определение «собственности — это кража». Американская конституция отражала интересы всех собственников, в том числе и мелких. Наша — строилась под интересы очень узкой группы невероятно богатых людей, которым досталось все, а остальные лишились даже того, что имели. Те, которым ничего не досталось, очень долго не смиряясь с тем, что собственность

священна и неприкосновенна. Они будут идти против этой заповеди или нелегальным путем, или путем изменения Основного Закона.

От законодателей зависит очень многое. «Законодатель, — говорит Руссо, — во всех отношениях есть лицо чрезвычайное в государстве. Если он должен быть таким по своему гению, то в не меньшей степени он таков по своему назначению. Последнее не есть ни функция правительства, ни суверенитет. Эта функция, которая кладет основание республики, не входит в ее конституцию... Это — особая и высшая функция, которая не имеет ничего общего с человеческим владычеством, потому что, если тот, кто повелевает людьми, не должен повелевать законами, то, с другой стороны, и тот, кто повелевает законами, не должен повелевать людьми; иначе его законы, слуги его страстей часто лишь увековечат его несправедливости, и никогда он не сумеет избежать того, чтобы частные интересы не извратили святости его труда»¹⁹. Гений законодателя не в том только, чтобы составить хорошие законы. «Подобно тому, как архитектор, прежде чем построить большое здание, изучает и зондирует почву, чтобы узнать, может ли она выдержать тяжесть здания, так и мудрый законодатель не начинает с написания хороших законов, а исследует предварительно, сможет ли народ, для которого он эти законы предназначает, вынести их»²⁰.

Не все, однако, зависит от законодателя. «Есть много благ, — говорит Руссо, — которые даются мудрецом, но которые недостаточны очевидны, чтобы убедить других». «Мудрецы, которые захотели бы заговорить с простым человеком своим языком, вместо того, чтобы говорить с ним его языком, не могли бы заставить себя понять. Между тем есть тысяча разнообразных идей, которые невозможно передать на народном языке. Слишком общие взгляды и слишком отдаленные предметы точно так же выше народного понимания: каждый индивид, одобряя только тот план правительства, который имеет отношение к его частным интересам, с трудом понимает преимуущества, которые он должен извлечь из постоянных лише-

ний, налагаемых на него хорошими законами. Для того чтобы возникающий народ мог одобрить мудрые максимы политики и следовать основным правилам государственного разума, необходимо, чтобы следствие могло стать причиной; чтобы общественный дух, который должен быть создан учреждением, предшествовал ему и чтобы люди были до законов такими, какими должны их сделать законы»²¹.

Законодатель не всемогущ. Он не может действовать произвольно. Гений законодателя состоит в том, чтобы угадать свое время и свое назначение. Авторы «Федералиста», несомненно знакомые с трактатом Руссо, в полной мере сознавали свою миссию, когда они говорили о том, что именно на долю американского народа выпало решить важный вопрос: действительно ли способно сообщество людей к устройству управления по разумению своему и выбору либо обречены они навечно иметь основанием своего политического объединения случай и силу. Американцы были «возникающим» народом. Тем, которые упустили свой шанс, Руссо предсказывал иную судьбу: «Большая часть народов, как и людей, покорны только в юности — старея, они становятся неисправимыми. Раз обычаи установились и предрассудки укоренились, было бы опасным и бесполезным предприятием их реформировать. Подобно глупым и трусливым больным, которые дрожат при виде врача, народ не может вынести даже прикосновения к своим язвам, хотя бы и с целью их уничтожения». Возможны случаи, когда охваченное междоусобными войнами погибающее государство возрождается из собственного пепла и, вырвавшись из рук смерти, приобретает силу юности. Но такие события — исключения, и они не могут повториться среди одного и того же народа, потому что народ может стать свободным до тех пор, пока он еще народ варварский; но он уже не может стать свободным, когда иссяк дух гражданственности. В таких случаях смуты могут его совершенно уничтожить, и революция не в силах его восстановить. И не только оковы такого народа разбиты. Он распадается и больше не существует; отныне ему нужен повелитель, а не освободитель».

И далее эту общую схему Руссо применяет уже конкретно к России. «Юность — не детство. У народов, как и у людей, есть юношеский период, или, если угодно, период зрелости, которого надо ждать, прежде чем подчинить их законам. Но зрелость народа не всегда легко распознать, и если она вызывается преждевременно, то весь труд пропал. Один народ способен к дисциплине при самом своем рождении, другой не становится таким и по истечении десяти веков. Русские никогда не будут народом истинно цивилизованным, потому что их цивилизовали слишком рано. Петр имел только подражательный гений; истинного гения, который создает и делает все из ничего, у него не было. Некоторые из проведенных им реформ были сделаны хорошо, большая же часть была неуместна. Он видел, что его народ — народ варварский, но он не видел того, что он не зрел для истинного управления; он хотел его цивилизовать, когда его надо было обучить войне. Он хотел сначала сотворить из своих подданных немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы сделать из них русских. Он помешал им стать когда-либо тем, чем они могли бы быть, убеждая их, что они то, чем они в действительности не были; он поступил подобно французскому учителю, который старается, чтобы его ученик блистал в детстве, а затем остался бы навсегда ничтожеством. Русская империя захочет покорить Европу, и будет покорена сама. Татары, ее подданные или соседи, станут и ее и нашими господами: эта революция кажется мне неизбежной. Все короли Европы согласно работают над тем, чтобы ее ускорить»²².

Пророчества великих провидцев часто сбываются. Но будем помнить о том, что народы обладают волей к жизни. Если исходить из того, что русский народ по сей день пребывает в «естественном состоянии», то ему еще только предстоит «общественный договор» и формирование духа гражданственности. Следует иметь в виду также и то, что в последнем высказывании Руссо содержится не столько пророчество, сколько предостережение, имеющее целью противодействовать подобному ходу событий.

¹ Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи. — Benson, 1990. — С. 89 — 90.

² Там же. — С. 44 — 45.

³ Там же. — С. 61.

⁴ Там же. — С. 59.

⁵ Там же. — С. 35.

⁶ Там же.

⁷ Там же. — С. 271.

⁸ Там же. — С. 119.

⁹ Там же. — С. 92.

¹⁰ Там же. — С. 36.

¹¹ Там же. — С. 29 — 30.

¹² Отцы-основатели твердо усвоили рассуждения Руссо о том, что само по себе учреждение «общественного договора», т. е. нового государства, еще не является гарантией его дальнейшего существования: «Общественным договором мы дали бытие и жизнь политическому организму, теперь необходимо дать ему движение и волю посредством законодательства, потому что первоначальный акт, посредством которого этот организм образуется и объединяется, не определяет нисколько того, что он должен предпринять, чтобы сохранить свое существование (Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. — М., 1938. — С. 39).

¹³ Американские федералисты... — С. 33.

¹⁴ Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. — Л., 1990. — С. 196 — 197.

¹⁵ Там же. — С. 197 — 198.

¹⁶ Американские федералисты... — С. 30.

¹⁷ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. — С. 20.

¹⁸ Там же. — С. 18.

¹⁹ Там же. — С. 34 — 35.

²⁰ Там же. — С. 37.

²¹ Там же. — С. 36.

²² Там же. — С. 38 — 39.

М.Н. Арбатская (администрация Иркутской области)

Гражданское общество и проблемы региональной безопасности Российской Федерации на рубеже XXI в.

Целью преобразований, проводящихся в нашей стране в последние десять лет во всех сферах жизни, должно быть в конечном итоге развитие полноправного гражданского общества в соединении с эффективным государством. Понятие «гражданское общество», сравнительно новое для российской общественно-политической практики, на разных этапах развития исторической и философской мысли получало различные определения и интерпретации. В настоящее время отечественными исследователями (Витюк В.В., Гаджиев К.С., Нерсисянц В.С., Руткевич Е.Д.) сформировано два подхода к определению этого понятия, которые разграничивают толкование гражданского общества¹:

- в связи с фактом частной собственности — точка зрения, считающаяся традиционной;
- в связи с выделением общественной сферы внесударственных отношений и структур — более позднее определение.

В настоящее время как элемент гражданского общества все-ми отмечается появление в стране третьего сектора в лице различных неправительственных общественных организаций. Под неприбыльным (третьим) сектором понимается совокупность (система) групп населения и организаций, не ставящих перед собой целей увеличения личного дохода непосредственно через участие в работе таких групп и организаций или

через владение ими. Термин «неприбыльные» означает, что получаемая в результате их деятельности прибыль идет на реализацию целей группы или организации, а не распределяется между участниками. В этой связи представляется уместным отметить появление некоммерческих организаций (далее — НКО) в такой сугубо государственной в нашей стране области деятельности, как национальная безопасность. Характер государственной политики в вышеотмеченной сфере оказывал существенное влияние на условия развития гражданского общества, не говоря уже о том, что может сделать их невозможными, как было в недавнем прошлом.

В последние годы принято множество праворегулирующих документов в этой области: федеральные законы — числом более 70, указы Президента — более 200, постановления Правительства РФ — около 500, различные подзаконные акты, наконец, Послание Президента и Концепция национальной безопасности РФ. Тем не менее специалисты отмечают фрагментарность правового пространства, а также сложившееся в силу ряда причин отсутствие в стране доктринального мышления². То, что до сих пор нет доктрины национальной безопасности России, можно объяснить не только правовой фрагментарностью, но и отсутствием негосударственных и консолидированных носителей и проводников такой доктрины, иными словами, отсутствием четко сформулированной и воспринятой обществом «национальной идеи». Однако в настоящее время это явление не кажется из ряда вон выходящим, так как в стране происходит парадигмальная перестройка: почти мгновенная утрата с распадом СССР всех прежних ценностей еще не привела к обретению новых. Результатом «шоковой» терапии стало массовое «шоковое» состояние миллионов людей, уже который год чувствующих себя ненужными в собственной стране. Но переоценка всех ценностей, в том числе и в массовом сознании, не может продолжаться сколь угодно долго. И ряд факторов, результаты последних федеральных выборов в том числе, свидетельствуют, что в обществе уже накопилась кри-

тическая масса для консолидации на основе исторически сложившихся культурных, общественных и политических ценностей.

Рассуждая о проблемах российской национальной безопасности, эксперты отмечают, что переосмысление самой природы безопасности стало развиваться не только в соответствующих государственных органах, но и за их пределами, так как вопросы национальной безопасности фактически пронизывают все сферы общественных отношений, понятие «безопасность» наряду с традиционным военным компонентом стало включать не менее, а может быть и более, значимые в современном «глобализирующемся» мире составляющие: экономическую, культурную, информационную, экологическую. Это нашло отражение, как уже отмечалось выше, в появлении различных негосударственных исследовательских организаций и центров, как правило, с приставкой «стратегический» в названии. Их возникновение характеризует, наряду с шагом в направлении развития гражданского общества, еще и другой важный элемент проявления политики государства в сфере безопасности, до недавнего времени бывший его исключительной прерогативой: допущение к участию в «святой святы» организаций третьего сектора. Вместе с тем в обществе все еще не сформировалась целостное представление о национальной безопасности в новом понимании этого термина, относящегося не только к государству, но и к личности и обществу как составным частям триады.

Возвращаясь к перечисленным выше официальным документам в области государственной безопасности, необходимо отметить, что общество как таковое признано в них, наряду с государством и личностью, равноценным компонентом безопасностной триады, а общественные интересы совокупно отражены в формулировке конечной политической цели: «Главной целью обеспечения национальной безопасности РФ является создание и поддержание такого экономического, политического и военно-стратегического положения страны, которое бы создавало условия для развития личности, общества и государства»³.

Кроме того, в приложении к проекту президентского послания указывалось, что «необходимым условием развития» страны «является формирование в России «открытого общества». Концепция прямо ориентирует на взаимодействие государства и общества в сфере национальной безопасности: «широкое участие политических партий и общественных объединений в выработке стратегии обеспечения национальной безопасности» является одним из факторов, позволяющих «обеспечить национальную безопасность Российской Федерации и ее прогрессивное развитие в XXI веке»⁴.

Национальная безопасность на практике и применительно к субъектам Российской Федерации как целостного федеративного государства трактуется в отношении экономической составляющей данного понятия. Ключевыми аспектами здесь являются энергетическая и продовольственная безопасность. Региональная стратегия экономической безопасности, проект которой разрабатывался и в администрации Иркутской области, основывалась на том, что *экономическая безопасность региона как субъекта РФ предполагает собой возможность и готовность его экономики обеспечить достойные условия жизни и развития личности, социально-экономическую и политическую стабильность общества, целостность федеративного государства, а также возможность противостоять влиянию внутренних и внешних угроз*. Реализация региональной стратегии в случае ее принятия должна в перспективе позволить:

- защищать гражданские права и свободы жителей области, уровень и качество их жизни, гарантирующие социальную стабильность в регионе;
- решать внутренние и межрегиональные политические, экономические и социальные задачи исходя из региональных и общегосударственных интересов, не допуская при этом чрезмерного давления со стороны других субъектов федерации и федеральных органов власти;
- обеспечить рациональное использование и расширение ресурсной базы экономики области;

— диверсифицировать структуру экономики региона для повышения ее устойчивости и снижения уровня зависимости от колебаний конъюнктуры мирового рынка по ограниченной номенклатуре экспортных товаров;

— повысить уровень продовольственной самообеспеченности области;

— создать условия и финансовую инфраструктуру для накопления инвестиционных финансовых ресурсов внутри области;

— занять активную позицию в области внешнеэкономических отношений, направленную на достижение и сохранение оптимального для соблюдения интересов населения области уровня ее интегрированности в мировую экономику.

Перечень объектов региональной безопасности был конкретизирован с учетом геополитического положения области. Система региональной безопасности учитывает интересы личности и общества. Она включает в себя органы государственного управления и основные элементы экономической системы (в том числе их связи с другими регионами Российской Федерации). Ее составными частями являются элементы государственного регулирования экономической деятельности с зарубежными странами, в первую очередь Азиатско-Тихоокеанского региона.

Проектный вариант региональной стратегии составили два основных блока, первый из них был сформулирован следующим образом: характеристика и мониторинг внешних и внутренних угроз экономической безопасности как совокупности условий и факторов, создающих опасность жизненно важным экономическим интересам личности, общества и государства на основе разработанных пороговых значений критериев и параметров экономической безопасности.

Однако на федеральном уровне соотношение общенациональных целей и соответствующей им инфраструктуры целедостижения (триада «средства — методы — условия (угрозы)») до сих пор не разработано, нет законодательно утвержденных уровней расходов на безопасность и оборону страны (в отношении к ВВП), не говоря уже о других, научно обоснованных

нормативных критериев обеспечения безопасности, например, экономической и экологической компонент. В связи с этим рассматривавшиеся в администрации Иркутской области пороговые значения критериев и параметров экономической безопасности, т. е. их количественные и качественные характеристики, так и не были приняты. Пороговые значения предлагались по следующим направлениям:

1. Способность экономики региона функционировать в режиме расширенного воспроизводства.
2. Достижение и сохранение уровня и условий жизни населения, определяющих социально-экономическую стабильность.
3. Устойчивость финансовой системы региона.
4. Рационализация структуры внешнеэкономических связей.
5. Поддержание необходимого уровня защищенности объектов безопасности в повседневных условиях и при чрезвычайных ситуациях.
6. Поддержание научного потенциала и сохранение ведущих научных школ.
7. Сохранение широких межрегиональных экономических отношений.
8. Создание экономических и правовых условий, исключающих криминализацию общества и всех сфер хозяйственной и финансовой деятельности.
9. Определение и обеспечение необходимого государственного регулирования экономических процессов.

Однако среди всех показателей, предложенных в проекте для мониторинга и контроля, не было ни одного, который бы реально характеризовал становление и развитие в регионе экономической составляющей личности, горизонтально ориентированной самоорганизации общества, т. е. отражал бы становление и развитие в регионе элементов гражданского общества.

Второй блок стратегии формулировался следующим образом: формирование экономической политики, институциональных преобразований и необходимых механизмов, устра-

няющих или смягчающих воздействие факторов, подрывающих устойчивость экономики.

Эта вторая, наиболее важная часть стратегии также не пробатывалась с учетом развития гражданского общества. В целом проект стратегии так и не был принят как официальный документ директивного характера, что можно расценить как логичное следствие ситуации в стране в целом.

Еще один важный безопасностный аспект, касающийся регионов: сохранение государственного контроля над стратегически важными источниками ресурсов, в котором существенную роль играет разграничение прав собственности федерации и регионов. Для Иркутской области в связи с ситуацией вокруг региональной энергетической компании это особенно актуально. Однако данный случай, пусть и достаточно острый и коллизионный, далеко не единственный, так как предметов ведения и полномочий для разграничения между федерацией и регионами в нашей Конституции предостаточно. На данный предмет только Иркутская область имеет с федеральным центром 12 соглашений. Поэтому и считается, что наше государство имеет конституционно-договорную природу, юридической основой которой наряду с Конституцией является Федеративный договор.

В Конституции подробно прописаны предметы ведения федерации и предметы совместного ведения, а предметы ведения субъекта — лишь в общем виде, они представляются как остаточная часть правового пространства, не охваченная двумя первыми нормативными категориями. Принцип остаточной суверенности делает странным делегирование полномочий от федерации ее субъекту и наоборот. Федерация вынуждена сначала предоставить субъекту соответствующие полномочия, поскольку по Конституции сам он не вправе их утвердить. Только после этого центр может приступать к переговорам о взаимном делегировании полномочий, т. е. на деле реализуется модель административной разнородности федерализма⁵, не приближающая нашу страну к оптимальному соотношению «эффективное государство — гражданское общество».

Формула «взаимного делегирования полномочий» впервые появилась при подписании договора между центром и Татарстаном, и сегодня уже можно сказать, что данный договор стал цивилизованным способом снятия острого конфликта между центром и субъектом РФ. Международные эксперты называют его сейчас «Моделью Татарстана» и пытаются применить в других частях мира. Его значение для становления российского федерализма не стоит преувеличивать, но не стоит и преуменьшать, так как Конституция России не учла серьезные интересы многих регионов. Поэтому и возникла необходимость в разработке механизма перехода к реальной федерации. Таким механизмом и стали договорные отношения, начатые Татарстаном⁶.

Возвращаясь к соглашениям между федерацией и Иркутской областью, следует отметить, что они находятся в зоне постоянного контроля региональной исполнительной власти, каждый квартал информация о реализации действующих и подготовке новых соглашений собирается и анализируется, они являются предметом серьезного рассмотрения на сессиях областного Законодательного собрания, т. е. фактически представляют реальный элемент федеративного устройства нашего государства и имеют непосредственное отношение к региональной безопасности в силу затронутых в них вопросов и отношений, о чем уже говорилось выше.

Существует еще один «столп» федерализма — межбюджетные отношения, животрепещущая и деликатная тема перераспределения государственных финансов между уровнями бюджетной системы. Как показывает опыт функционирования зарубежных федераций, проблема межбюджетных отношений между региональными и федеральными властями — «вечная», она не зависит ни от благополучия территорий, ни от благополучия федерации в целом, потому что основная причина, ее порождающая, — соотношение общенациональных и территориальных интересов в различные отрезки времени. Их колебание в ту или другую сторону на короткий период сменяется определенным балансом, но потом снова начинает усиливаться та или иная группа интересов, так как на их состоя-

ние влияет слишком много внутренних и внешних факторов: экономических, политических, природных, геополитических и т. д. Одним из компонентов межбюджетных отношений, важных для региональной безопасности, который при определенных обстоятельствах может оказать (и в недавнем прошлом нередко оказывал) дестабилизирующее влияние на экономическую и морально-психологическую атмосферу в регионе, являясь проблема «федерального мандата», т. е. дополнительных расходов, «наведенных» федеральным законодательством и решениями федерального правительства на местные бюджеты⁷.

Данная проблема является следствием, порожденным следующими основными причинами:

Вытеснение общеправовых принципов построения системы местного самоуправления опитивным вмешательством федерального правительства. Различные инструкции, распоряжения и нормативы держат в постоянном напряжении региональный и в особенности местный уровень власти, а постоянные изменения, вносимые в подзаконные акты, становятся мощнейшим инструментом давления на расходную часть местных бюджетов.

Вторая причина — рост числа федеральных законов с предписывающими нормами вместо ограничивающих. Например, новые СНИПы, запрещающие использование каких-либо строительных материалов. Недавний пример на эту тему: на заседании ассоциации «Сибирское соглашение» во время визита в Иркутск весной 2000 г. тогда еще исполняющего обязанности президента В.В. Путина рассматривался вопрос о применении СНИПов для антисейсмического строительства, не предусмотренное принятие которых внесло серьезные проблемы в стройиндустрию некоторых сибирских регионов.

И третье — вынужденное финансирование федеральных ведомств на местах. Как показывает практика работы муниципальных образований, все они без исключения финансируют из местного бюджета федеральные ведомства или программы: военкоматы, суды, прокуратуру, налоговую инспекцию,

федеральные социальные льготы и т. д.⁸ В условиях бюджетного дефицита, который был совсем недавней реальностью практически во всех регионах, в том числе и в Иркутской области, дестабилизирующее влияние принятых, но финансово не подкрепленных, законов было очень сильно. Для городов и районов Иркутской области третий пункт «Федерального мандата» «стоит» по-разному. По имеющейся информации, поступившей в 1999 г. от администраций городов Иркутска, Братска, Тайшета, Саянска, Усолья-Сибирского, а также группы районов (Балаганского, Зиминского, Братского, Чунского, Черемховского, Иркутского, Жигаловского, Мамско-Чуйского, Нижнеудинского, Качутского), необходимость в финансировании «федерального мандата» в вышеперечисленных городах и районах суммарно составила около 500 млн рублей, причем не все территории по причине отсутствия бюджетных средств подобные расчеты ведут. Следует отметить также, что наиболее благополучные, недотационные территории смогли предусмотреть в бюджете 1999 г. указанные расчетные потребности в лучшем случае (г. Иркутск) на одну треть. Здесь возникает необходимость ревизии действующего законодательства, не поддержанного государственными финансами на соответствующем уровне, для исключения в будущем подобных ситуаций, которые в своих крайних проявлениях могут привести к возникновению и росту радикальных и сепаратистских настроений среди населения, что отрицательно сказывается на состоянии как региональной, так и национальной безопасности страны.

Из указанного выше понятно, что проблемы, касающиеся национальной и, как ее частного случая, региональной безопасности, пронизывают все сферы жизни и перечислять их можно долго. Приведенные примеры обрисовали всю серьезность проблематики в этой области. Для устранения существующих безопасностных проблем на всех уровнях, что несомненно повлияет и на развитие в стране элементов зрелого гражданского общества, необходимо в существующем правовом пространстве обеспечить эффективное функционирование

уже действующего массива документов, и, кроме того, разработать новые нормы обязательств в целях защиты безопасной триады от исходящих ей вызовов и угроз, используя все аспекты нового понимания термина «безопасность». Тем более что официальная политика стала воспринимать безопасность не только по отношению к государству, но и к личности и обществу, что безусловно должно стимулировать развитие гражданского общества в нашей стране.

¹ Руткевич Е.Д. Развитие идеи гражданского общества в истории социально-философской мысли// Профессионалы за сотрудничество. Московский проект «Кеннан»: Книжный дом «Университет». — 1999. — Вып. 3. — С. 22.

² Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе. Проблемы национальной безопасности// Аналитический вестн. 2000. — № 5(117). Совет Федерации Федерального Собрания. М. — С. 19.

³ Концепция национальной безопасности// Рос. газ. — 1997. — 26 дек. — С. 11.

⁴ Там же. — С. 23.

⁵ Социально-экономические проблемы России: Справочник. Национальный Фонд Подготовки Кадров. Норма. С.-Пб., 1999. — С. 22.

⁶ Мачульская И.Г. Некоторые тенденции социально-экономического развития в субъектах Российской Федерации в 1998 году и в начале 1999 года// Информационное управление Совета Федерации. 8.07.99. № 52 — 28/587. — 64 с.

⁷ Муниципальные займы как инструменты финансовой системы местного самоуправления// Сборник материалов научно-практического семинара «Местное самоуправление». — М.: МОНФ, 1998. — С. 19.

⁸ Там же.

О.Л. Воронин (Иркутский государственный университет)

Новая власть и новые бандиты (этническая преступность — региональное измерение)

Этническая преступность — сравнительно новое явление в России, да и на всем постсоветском пространстве. Гигантская катастрофа распада советской империи имела следствием перемещение огромных людских масс. Бывшие граждане СССР на собственной шкуре уяснили такие термины, как «перемещенные лица», «беженцы», «интернирование» и «депортация». И наконец, на российском пространстве в криминальной сфере появились новые и весьма способные фигуры.

То, что этническая преступность более всего проявляется в «диаспоральных общностях», теперь уже не подлежит сомнению. И хотя о ней много пишут (автор данных строк не исключение) на примере выходцев из новых независимых государств Закавказья, Таджикистана, Молдавии, это отнюдь не исключает и других диаспор современной России. Наметилось и некое специфическое «разделение труда» — так, таджикское организованное преступное сообщество (ОПС) специализируется исключительно на поставке сильных наркотиков, молдавско-цыганское ОПС — практически полностью контролирует нищенство в крупных городах Европейской России, украинские организованные преступные группы (ОПГ) разделили с чеченским ОПС доходы от московской и петербургской уличной и гостиничной проституции. Существует так называемый нигерийский маршрут наркотиков, а вьетнамская ОПГ специализируется на контрабанде поддельных сигарет и не брезгает подделками дешевого ширпотреба прямо в России. Изучение этнической преступности сильно затрудняется

закрытостью диаспор и наличием языкового барьера. Все вышеуказанное в полной мере относится и к китайской диаспоре в России.

Несмотря на постоянно ведущиеся исследования, никто даже толком не знает, сколько китайцев-мигрантов проживает сейчас на территории РФ. Отчасти, как это ни смешно, потому, что российские милиционеры, например, не могут отличить по лицу одного китайца от другого, вследствие этого по одному паспорту могут «проживать» до десятка человек. Оценки же количества китайских нелегалов в России «пляшут» от нескольких тысяч до 1,5–2 млн (в зависимости от отношения экспертов к пресловутой «желтой опасности»). Наиболее же информированные специалисты считают, что вопрос о массовом переселении китайцев в Россию вообще не стоит, идет процесс **массового зарабатывания денег** на столичном и провинциальных российских рынках.

По данным исследования, проведенного специалистами ИСАА под руководством профессора В. Гельбраса, в Москве сейчас постоянно проживает от 20 до 25 тыс. китайцев.

В Москве выходит несколько китайских газет, работают радиостанция и две пейджинговые компании на китайском языке. В столице представлены практически все провинции КНР. Примерно половина мигрантов — люди с высшим образованием, преобладает социально активная молодежь. Китайцы компактно проживают в десяти «чайна-таунах» — гостиницах. Лишь 5–6% купили себе квартиры. В Москве есть ночной клуб, куда вход разрешен только китайцам.

По данным Московского УВИР, в российских вузах учится около 10 тыс. китайцев, из них только 30 человек бесплатно. И несмотря на высокую оплату — 5–6 тыс. долл. в год, — в Московской и Петербургской консерваториях, МГИМО, Суриковской и Репинской академиях, в юридических и экономических вузах — до 3 тыс. долларов, в технических — 1,5–2 тыс. долларов в год, это все же дешевле, чем на Западе и даже в самом Китае, следовательно, количество студентов будет увеличиваться. Но даже и эти цены для большинства приезжих граждан КНР неподъемны, и они просто вынуждены зарабо-

тывать на жизнь и обучение мелкой розничной, а некоторые и оптовой торговлей. Вот тут-то и нашла себе точку приложения организованная преступность. По мнению сотрудников аналитических служб РУБОП, китайское оргпреступное сообщество относится к числу наименее изученных, так как не играет (пока! — О.В.) решающей роли в столичном криминальном мире.

Китайское ОПС появилось как группировка в столице в 1993 — 1995 гг. Основной источник дохода — вымогательство части прибыли у торговцев-соотечественников и нелегальная иммиграция. По данным ГУВД Москвы, в настоящее время в столице нелегально проживает более 800 китайцев (по данным специалистов ИСАА, как минимум в 10 раз больше). По данным РУБОП, выезд из Китая в Россию по туристической визе и чужому паспорту обходится нелегалу в 2,8 тыс. долларов США, а прописка по московскому адресу в 80–200 долларов, которые платят коррумпированному сотруднику милиции.

Специалисты Управления собственной безопасности ГУВД Москвы не фиксировали связей между высокопоставленными милицейскими чинами и представителями китайской ОПГ, по их данным, уровень связей китайской мафии в правоохранительных органах — участковые или сотрудники местного отделения милиции (для сравнения — каждая встреча нелегального китайца с младшим чином милиции в Иркутске стоит первому стандартную сумму — 50 рублей).

Преступления, совершаемые членами китайской диаспоры Москвы, труднораскрываемы, так как лишь в единичных случаях затрагивают не их соотечественников, а также потому, что все участники китайского ОПС дают «обет молчания» и нарушивший его заранее знает, что его найдут, где бы он ни был. Так, арестованный в апреле нынешнего года 35-летний китайский рэкетир Лю Дзян Го, кстати, выпускник Московского гидрометеорологического института, более десяти лет нелегально жил в китайских общестиях Москвы и ни разу не был ранее задержан, так как не было заявлений.

По данным аналитиков ГУБЭП МВД РФ, концентрация капиталов в китайской диаспоре идет очень быстро и уже в бли-

жайшее время можно ожидать резкого обострения конкуренции в Москве и России в целом между китайским торговым капиталом и кавказским, а в перспективе и вытеснения последнего.

В начале 1998 г. появилась информация о том, что китайская ОПГ наладила маршрут поставки наркотиков в столицу, но в сводках ГУВД за 1998 – 2000 гг. не зафиксировано ни одного задержания китайских торговцев (возможно, речь шла только об эфедрине, а не о более сильных наркотиках, так как в Китае в последние годы построено четыре крупных завода по его производству).

Но есть регионы, где китайская преступность нашла еще один мощный канал промысла — контрабанду суррогатного алкоголя, а также нелегальный вывоз стратегических товаров. К таким районам относятся прежде всего Дальний Восток и, в меньшей степени, Восточная Сибирь. Цифры и факты по этим регионам производят шокирующее впечатление.

По данным журнала «Фар Истерн Экономик Ревью», на начало декабря 1999 г. из почти 150 тыс. иностранных граждан, прибывших официально трудоустроиться в Россию, доля китайцев составила около 23%. (Для справки — въездная виза стоит 150 долларов.)

Квота иностранной рабочей силы для Приморья составляет 15 тыс. человек в год. Тем не менее только в Приморском крае официально ныне зарегистрировано свыше 16 тыс. китайских рабочих и служащих (включая переселенцев-крестьян). В Хабаровском крае — почти 4 тыс. В Еврейской автономной области — 1,6 тыс. человек. 45% занято в строительстве, 35% — в сельском и лесном хозяйстве, около 20% — в торговле. Однако, по данным специалистов центра Карнеги, количество нелегальных китайских эмигрантов-поселенцев на Дальнем Востоке как минимум вдвое больше, чем официально посчитанных, в том числе в Приморье не менее чем в 2,5 раза. В Пограничном районе вблизи оз. Ханка при численности населения около 35 тыс. человек 25 тыс. китайцев.

Ежедневно на территории Приморского края находится около 30 тыс. иностранцев, 80% из них составляют граждане

Китая. В 1999 г. в Приморье въехало 297 477, а за три квартала 2000 г. — 182 809 китайцев. Специалисты считают, что эти цифры смело можно умножать на два, поскольку очень много китайцев въезжают в край с сопредельных территорий, сколько же китайцев выехало за этот период, неизвестно.

Через многие китайские, а также корейские фирмы, как и через совместные предприятия, а таких на Дальнем Востоке более 200 (по официальным данным), из региона за бесценок «уходят» прежде всего стратегические промышленные ресурсы, продукция двойного, в том числе оборонного, назначения, высокоценное лекарственное и сельскохозяйственное сырье, ценные и редкие древесины и морепродукты.

По оценкам Дальневосточного управления таможни, в 1996-1999 гг. незаконно вывезено в Китай и через Китай товаров и услуг на сумму как минимум 3 млрд долларов. В том числе упомянутых выше «объектов» не менее чем на 2 млрд долларов.

По незаконному вылову морепродуктов привлечь китайских контрабандистов представляется практически невозможным, так как вылов осуществляется российскими судами, а трепанг, например, скупается за 2 – 3 тыс. долларов за тонну, варят и сушат его в заброшенных гаражах, а затем в готовом виде он нелегально провозится в Китай (обычно в грузовиках с металлоломом и двойным дном). Килограмм сушеного трепанга в Китае стоит 100 долларов. По данным правоохранительных органов, этот бизнес контролируют три криминальных клана.

Огромный размах приняла и контрабанда алкоголя.

По данным оперативной таможни Дальневосточного ТУ, в 1998 г. на пограничных пунктах пропуска в Приморье было конфисковано более 410 т спирта и готовой алкогольной продукции производства КНР, нелегальный завоз на 10% превысил легальный импорт.

Шесть тысяч пластиковых пакетов с контрабандной водкой из Китая уничтожили таможенники Иркутска, содержание сивушных масел и других вредных веществ в сотни раз превышало установленные нормы.

В Читинской области таможенной уничтожено более 4 тыс. л опасной для здоровья контрабандной водки китайского производства, сейчас на складах у таможенников скопилось около 200 тыс. бутылок нелегальной китайской продукции и сотни канистр спирта.

29 марта 1999 г. в Уссурийске при попытке сбыта у граждан Китая изъята партия рисового этилового спирта — 21 бочка объемом в 4200 л; такого объема конфискованного сырья могло хватить для работы нескольких подпольных цехов на целый год.

По мнению специалистов ГТК, контрабанда алкоголя носит хорошо организованный характер, и в Китае в этом бизнесе участвуют устойчивые преступные группы. Они создали на территории КНР ряд фирм, которые контролируют полный цикл незаконного оборота спирта — начиная от производства до поставки в Россию. Разлив контрабандного спирта происходит уже на российской территории — преимущественно в Уссурийске — также под контролем китайцев.

Поскольку российский дальневосточное ОПС справедливо считается одним из наиболее богатых и влиятельных в России, невозможно предположить, что эти гигантские обороты контрабандного алкоголя прошли мимо него. Следовательно, можно с полной уверенностью констатировать, что на Дальнем Востоке, впервые в России, закрытые этнические преступные группировки вступили в деятельное сотрудничество с местными криминальными кругами.

Летом 2000 г. во Владивостоке было торжественно открыто китайское казино «Аристократ» (владелец ЗАО «Ингода» со 100-процентным китайским капиталом). Торжество было омрачено визитом СОБРА, который задержал нескольких китайских граждан с весьма характерными татуировками, начинающими принадлежность к знаменитым «триадам». В ходе расследования выяснилось, что «Ингода» владеет несколькими квартирами, переоборудованными под гостиничные притоны, куда приглашали русские «жрицы любви», сутенеры которых контролируются так называемой комсомольской ОПГ (по месту пребывания ее центра в Комсомольске-на-Аму-

ре). Всплыли в ходе следствия и материалы об отправке русских женщин в притоны Макао и Гонконга.

Практически только в сотрудничестве с местными ОПГ могли китайские фирмы наладить бизнес «секс-туризма» из северо-восточных районов Китая в Приморье. Приезжающая группа из 50 — 60 человек приносит «групповоду» (одна из самых доходных профессий в Северном Китае) до 1000 долларов. Дополнительные доходы от посещения саун с «восточным массажем», стриптиз-клубов с «продолжением банкета», интим-магазинов и т. д. делятся между «гидом» и «китайскими владельцами» (впрочем, подобные магазины часто оформлены на русских коммерсантах).оборот подобного бизнеса точно установить невозможно, но несомненно он выражается многозначными суммами в СКВ.

Естественно, что вслед за богатенькими искателями удовольствий за пределами Поднебесной двигаются и искатели легкой наживы.

В 1999 г. на территории Приморья зафиксировано 103 преступления против китайцев, из них 82 тяжких и особо тяжких, за 10 месяцев 2000 г. зарегистрировано 94 преступления, из них 79 тяжких и особо тяжких.

В прошлом году Дальневосточное РУБОП выдало Китаю 15 членов банды Ган Лючжун (Сяо Ган — «маленький Ган»), занимавшихся грабежом китайских туристов. Числившийся в розыске в Китае бандит наверняка будет, после упрощенного судопроизводства, публично казнен, как это произошло с членами банды, выданными Московским УВД на транспорте китайским правоохранительным органам за грабеж соотечественников в поезде Пекин — Москва в 1998 г.

Но суровые наказания не останавливают китайских преступников. В Иркутске в междоусобных разборках (здесь соперничают две группы «коммерсантов», зарегистрированные как «общественные организации») все чаще появляются увечные и раненные. Но даже оказавшись в больницах и травмпунктах, китайцы не дают никаких показаний, предпочитая не вмешивать милицию в свои дела. По неофициальной информации из Восточно-Сибирского РУБОП, очень часто «нелега-

лы» скрываются в студенческих общежитиях иркутских вузов, где живут китайские студенты, а те под страхом физического насилия не могут отказать «землякам».

Но криминальные «триады» — это уже вчерашний день. Гораздо большая опасность исходит от китайской «беловоротничковой» преступности. Стоящие во главе «криминальных» фирм бывшие работники китайских спецслужб, нелегально провозя в сибирские и дальневосточные регионы большие суммы денег, примериваются к их инвестированию в поставки запрещенных товаров и услуг не только китайцам, но и местному населению. Связь крупного чиновничества в континентальном Китае с организованной преступностью и высочайший уровень коррупции уже признаются и государственными СМИ КНР. Не даром (по опыту автора) официальные делегации на уровне крупных провинциальных чиновников и даже деятелей партийных комитетов более чем активно ищут «неофициальные» контакты, предпочитая беседы с криминальными российскими коммерсантами официальным визитам к региональным руководителям. На примере кавказской диаспоры мы наблюдали сращивание коррумпированного чиновничества и ОПГ, не начинается ли такой процесс и на Дальнем Востоке и в Сибири?

Эта тревожная перспектива не только для отдельных регионов, но и для всей России, где криминализация общественных отношений давно стала сущностной стороной системного кризиса.

(При подготовке статьи использованы материалы журнала «Коммерсант-Власть» и «Независимой газеты»)

Ю. М. Капралова (Иркутский государственный университет)

Развилки и тупики «партийного строительства» в России

Как бы ни выглядело искусственным наше убеждение в том, что каждые парламентские и президентские выборы в России являются «судьбоносными», все-таки приходится признать, что выборы 1999 — 2000 гг. действительно явились поворотным пунктом в российской политике, поскольку впервые за десятилетие наблюдался определенный консенсус в поддержку особого российского пути политического развития. Крайне левые и правые взгляды были отброшены, ведущим стало стремление к политической стабильности и здоровому консерватизму, но реальное содержание российского «третьего пути» осталось туманным.

Очевидно — российская партийная система подверглась серьезной перетряске. Программы и декларации политических партий оказались оттеснены на второй план «партийными интересами», другими словами, корпоративные приоритеты подавили идеологические. Не здесь ли стоит искать так называемый третий путь? Может быть, он и заключен в рамки принципиально «внеидеологического»?

В том, что эта тенденция имеет место, убеждает стремительное появление на политической сцене движения (а теперь уже и партии) «Единство» с его неопределенной программой и никому не известными кандидатами. Спешно сформированная Кремлем в ответ на брошенный вызов ОВР организация начала действовать в качестве «партии власти» и почти моментально взлетела на пик популярности.

Как же так? Ведь в недавнем прошлом словосочетание «партия власти» было почти ругательством? Пример бесслав-

ного конца предшественников «Единства» «центристов» НДР в этом смысле показателен. Попытки Кремля создать «партию власти» по идейно-идеологическому принципу заранее были обречены на провал. Цель — навязать политическому титану КПРФ противоборство на идеологическом поле, в итоге достигнута не была. КПРФ просто не с кем было конкурировать. Заглянем в историю. Исконными для нашей страны были идеи национальная и коммунистическая, объединение которых в сталинские годы породило идею национал-коммунизма в виде концепции «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Ей так и не суждено было исчезнуть даже на развалинах КПСС. Тогда как, например, в Германии исторически доминировали две идеи — национальная и социальная, объединившись, они произвели на свет идеологию национал-социализма. Осознав угрозу этого веяния, власти создали условия для разделения этих идей. В итоге национальная и социальная идеи вступили в конкуренцию, которая до сих пор составляет основу политического процесса. А так как в России подобного не произошло, конкурировать КПРФ на идеологическом поле не с кем и меняться смысла нет.

Есть мнение, что альтернативу ей власть нащупала инстинктивно и именно на корпоративном поле — движению «Единство» просто удалось занять нишу общественных ожиданий, не связанную с партиями и партийными идеологиями и ориентирующуюся на корпоративные цели — сохранение уже укоренившихся параметров социально-политического и экономического устройства в сочетании с конкретными российскими реалиями.

Нельзя не отметить также и роль персоналий в расцвете «Единства». Выигрышной оказалась ставка на личный авторитет Сергея Шойгу. Приведу типичную характеристику, которую дают лидеру многие СМИ: «Во-первых, он единственный политик федерального уровня, не вызывающий аллергии ни только ни у кого из участников политического процесса, но и у избирателей. А во-вторых, никогда не был запячкан «компроматом» и никогда не ассоциировался ни с одной из политических и олигархических группировок». Думаю, Сергею Шой-

гу, имеющему репутацию единственного неангажированного министра, была поручена миссия «отмыть» движение от имиджа, невыгодного в глазах избирателя. Делегированные ему в помощь Александр Карелин (великий спортсмен и «неполитик» вообще) и Александр Гуров (силовик и «борец с мафией») только подтверждали эту задачу.

Вероятно, «Единство» — это лучший пример политического объединения, созданного по приказу властных элит. Но, конечно, оно не было современной политической партией, не было оно и массовым движением. Ведь если можно за три месяца создать партию, которая одержала победу на выборах, то какова же цена остальным партиям, существующим почти десятилетия? Поэтому, думаю, не стоит слишком преувеличивать роль идеи прагматизма, которой якобы с огромной гордостью и чувством собственного достоинства придерживается «Единство». Может быть, основная причина столь стремительного взлета «виртуального блока» в другом? Я считаю, что в данном случае дала о себе знать общая слабость российских политических организаций, когда партии ассоциируются с личностями, а не наоборот. Голоса, поданные за ведущие партии, были одновременно голосами и за кандидата в президенты. Поэтому я твердо убеждена в том, что движение набрало 23% голосов только по одной причине — оно твердило о себе как о «партии Путина». Таким образом, победа «Единства» явилась победой центральной власти.

В истории это вообще-то не новость, скорее, подобная тенденция — это сущностная черта переходных обществ транзитология, как отрасль политической науки, часто дает примеры, когда авторитарный лидер конструирует политическую партию «под себя»; достаточно вспомнить «направляемую демократию» Сукарно в Индонезии, а затем создание военным диктатором генералом Сухарто послушного парламентского большинства. В более близкие к нам времена наиболее яркий пример — президент Перу Альберто Фухимори, избравший себя, вопреки конституции государства, на третий срок. Но безусловно российской инновацией явилось то, что вначале в

политико-правовое поле вошла политическая организация, а затем и ее харизматический (и неофициальный!) лидер.

Действительно, в контексте настоящего исторического периода россияне стремились к порядку больше, чем к реформам, и это стремление персонифицировал Путин. На руку здесь было и определение его имиджа как «жесткого» человека, преследующего прагматические ценности и действующего в рамках конкретных целей. Возрастающая популярность Путина определялась несколькими моментами. Прежде всего следует отметить, что все премьер-министры очень быстро становились популярными, и это позволяет предположить, что по крайней мере часть популярности Путина является следствием должности, которую он занимал, т. е. следствием «административного ресурса». Безусловно, сыграла роль его активная политика в Чечне. Также получило поддержку представление о том, что Путин якобы представляет энергию и молодость в отличие от ельцинского старческого слабоумия, борьбу за российские национальные интересы в отличие от борьбы за укрепление собственной власти, которую вел Ельцин. Определенные обстоятельства, такие, как, например, наступление на коррупцию (большее риторическое), успехи военных действий в Чечне и уже отмеченные личностные качества Владимира Владимировича оказались актуальными в данное время, позволили Путину выйти из тени Ельцина и нейтрализовать негативный эффект от провозглашения его преемником крайне не популярного президента. Путин стал самостоятельной фигурой.

Исключительная быстрота взлета его популярности, повторившая политическую траекторию Ельцина в 1980-х, показала, что в российской политике нужен герой, личность, с которой граждане будут связывать некоторый период истории. «Ни странно ли звучит: «сталинские времена», «эра Брежнева», «ельцинский период»? — спрашивает в книге о России — «Империи» знаменитый публицист Ришард Капусцинский. — Тогда как, например, в Америке это выглядит примерно так: «новый курс», «новые рубежи» и пр.».

Но не есть ли это доказательство того, что режим в нашей стране устанавливает лидер, а не партия, придерживающаяся определенной идеологии?

Руководствуясь рассуждениями, приведенными выше, мне думается, что так называемый третий путь политического развития России никогда не будет определен в жесткие рамки какой-нибудь идеологии. Скорее, он будет представлять собой некий симбиоз амбиций центральной власти, актуальных на данный период времени и более-менее укладывающихся в рамки многовековых традиций России.

Что касается настоящего времени, то, прослеживая феномен «Единства» и Путина, можно сказать, что в России сложились все условия для такого государственного устройства, как «управляемая демократия» (некоторые эксперты говорят о «манипулятивной демократии»). Политолог Сергей Марков утверждает, что все главные составляющие этого режима уже имеют место в российской политике: «Высокая степень использования авторитарных институтов в сочетании с демократическими»¹ — примером может служить активное использование Кремлем административного и информационного ресурсов для парламентской победы прокремлевского «Единства», а также складывающийся режим личной власти Путина. «В идеологии — умеренный национализм»² — известно, что В. В. Путин активно использует патриотическую риторику и подчеркивает независимость от Запада. «В экономике — жесткий дирижизм со стороны государства в базисных отраслях при одновременном укреплении институтов частной собственности»³ — и это имеет место в политике Путина. И наконец, «опора на армию и спецслужбы»⁴ — Владимир Владимирович — бывший полковник КГБ.

На смену смеси демократии, авторитаризма и анархии в горбачевско-ельцинской России приходит управляемая демократия как сочетание авторитарных и демократических политических инструментов. Победа «виртуального блока» «Единство» на парламентских выборах — пример становящейся управляемой демократии.

Однако хочу заметить, что центральной власти так или иначе придется оправдывать существующий порядок вещей и заручиться некой официальной государственной — если не идеологией, то хотя бы идеей. Читая программную статью Владимира Путина, написанную пока весьма абстрактно, уже можно набросать некоторые тенденции, которые, скорее всего, составят костяк будущей официальной государственной идеи: «Социальный патернализм как обоснование роли государства; патриотизм как идею, консолидирующую общество; прогрессизм как требование к каждому гражданину активно участвовать в модернизации страны; консерватизм как оправдание существующего порядка вещей»⁵.

Итак, подводя итоги, можно сказать, что наступила пора отрешиться от сложившихся столетие назад представлений о политических партиях, ориентированных в основном на революцию и модернизацию общества путем социальной инженерии. Да и граждане России, в своем большинстве, отошли от наивного восприятия выдвигаемых партиями лозунгов и обещаний светлого будущего. Придется вверить свою судьбу игре амбиций очередного дубля «партии власти», хотя, надо признать, отличающейся от своих предшественников отсутствием идеологической принадлежности и большим прагматизмом, что всего-навсего диктуется актуальностью. И все-таки тот факт, что в России больше не стоит вопрос о непременном изменении режима, а только о смене лидера внутри системы, который не дал бы застопориться процессу развития страны, говорит о том, что российская политическая система начинает стабилизироваться и взрослеть.

¹ Марков С. Манипулятивная демократия// Независимая газ. — 2000. — 2 марта.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий// Там же. — 1999. — 30 дек.

А.В. Козлов (Иркутский государственный университет)

Современное социально-экономическое развитие России как методологическая проблема (региональный аспект)

Введение

Парадоксальность и своеобразие современного развития России проявляются в разных сферах (политика, экономика, культура, идеология). Но данное своеобразие трудно проговаривать и анализировать без соответствующего разработанного набора моделей и понятий. В результате такого положения вещей анализ часто упрощается, выхолащивается до традиционной схемы: традиция — модернизация; восток — запад; авторитаризм — демократия; патология — нормальность; переходность — стабильность (число таких пар можно увеличивать до бесконечности). Естественно, что перечисленные выше схемы, при всем их редукционизме (что никоим образом не ставит под сомнение их научность и разработанность), вполне применимы к описанию сегодняшней России; мало этого, они часто служат базой для развития устойчивых идеологем, являющихся частью непосредственно самой социальной реальности (в данном случае автор подразумевает феномен социально «конструируемой» реальности — П. Бергер, Т. Лукман¹ — или, другими словами (Н. Луман)², — речь идет о том, что описание общества является частью общества). Но в данной работе сделана попытка краткого описания ряда подходов, позволяющих учесть, прописать хотя бы на уровне модели указанное выше своеобразие. Сам текст можно разделить на две

части. В первой дается краткое описание ряда теоретических подходов. Вторая связана с анализом сегодняшних реалий Иркутской области.

1. Теоретические подходы

Современную отечественную гуманитарную мысль отличает взрыв интереса к модернизационной тематике. Это очевидным образом связано со всем кругом проблем, определяющих качественную характеристику современного исторического этапа в развитии России. Интересную интерпретацию происходящих в современной России событий дают А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов³. Они постулируют очевидную несовместимость современных российских реалий в рамках ожидавшихся результатов «третьей волны модернизации» (если первыми двумя считать петровскую и большевистскую). Это ведет к необходимости выработки новых концептуальных моделей. В результате исследователи предлагают отнести Россию в разряд не традиционных или современных обществ, а конгломеративных. Под последними понимаются общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавы, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества — конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции. Конгломеративность можно определить как частный вид несистемной организации (в отличие от типичных для Запада однородных обществ «системного типа»). Конгломеративность может невольно выступать как оппозиция системности, хотя сама конгломеративность может быть представлена и как вариант системности. Тем не менее оба типа общества воплощают разные типы связей. Конгломеративность как единство существует на уровне соединения разнородностей, это единство через со-развитие разного, а не через слияние в одинаковом. Но конгломерат не «недосистема», еще не ставшая «нор-

мальной». Они не становятся и вряд ли станут таковыми в силу внешней причины, системам и конгломератам присущи разные типы взаимодействия образующих элементов. В отличие от диалектических связей в системе, связи в конгломератах построены на параллельном со-развитии. В этом случае отсутствует как синтез, так и разрушение исходных свойств. Причем для конгломеративных обществ характерна востребованность всех типов отношений и специализация каждого анклава на той или иной функции: общество равномерно воспроизводит типы связей, характерные для всех анклавов, и прагматично пользуется этим многообразием.

Очевидно, что модель конгломеративного общества описывает российское общество как гетерогенное. Тема гетерогенности, несводимости друг к другу различных аспектов развития России рассматривается и М.В. Ильиным с помощью таких понятий, как «призматическая система» (авторство данного понятия принадлежит американскому политологу и антропологу Ф. Ригтзу); «симулякр»; «псевдоморфоз»⁴. Употребление данных понятий, имеющих большое число коннотаций в современном западном, например, французском (Ж. Бодрийяр) интеллектуальном дискурсе, указывает на то, что описываемые с их помощью явления как бы раздваиваются: образ не соответствует скрывающейся за ним реальности.

Если оттолкнуться от предложенной модели (учитывая при этом всю ее неразработанность), можно указать на схожие феномены, своего рода проявления гетерогенности в истории. Российская история в этом случае вне конкуренции. Но интересно, что и классическая (с точки зрения развития современности, модерна) западная история тоже может быть интерпретирована с этой точки зрения. В виде примеров можно указать на: амбивалентную роль абсолютистского государства в становлении современного общества; непростое взаимодействие социальной моральности как феномена традиционного общества и развивающихся рыночных отношений; и, в конце концов, на отнюдь не очевидную связь либерализма и демократии. Существует огромная и разнообразная западная литература по данным темам, которая, к сожалению, мало востре-

бована отечественной гуманитарной мыслью. Показательная статья одного из признанных представителей современной американской исторической мысли Г. Вуда⁵. В этой статье с символическим названием «Была ли Америка рождена капиталистической?» Вуд делает интересный вывод, подтверждающий наши предыдущие замечания: «К лучшему или худшему, но американский капитализм был создан американской демократией». Противопоставляя эти два понятия, Вуд раздвигает рамки традиционной интерпретации ранних этапов американской истории. О социальной моральности, ее источниках и связи с современным общественным развитием в одной из своих последних статей рассуждает и такой знаменитый мыслитель, как Ф. Фукуяма⁶. В последнем случае для меня важна не сама по себе позиция Ф. Фукуямы, пессимистически оценивающего современное развитие США, а его подходы к исследуемой проблеме, похожие на описываемые выше.

Естественно, что автор не претендует на серьезную разработку в тексте одной статьи всех этих сложных тем. Но в случае России можно указать на одновременное развитие как бы всех следующих друг за другом этапов западного модерна: это и ранний модерн с проблематикой становления, вычленения, структурирования современного территориального государства; средний модерн — с выяснением взаимосвязи и взаимозависимости между государством и обществом; поздний модерн — с развитием социального государства и окончательным становлением диады «государство — гражданское общество»; и, конечно, проблематика постмодерна. Причем эти этапы не укладываются в некую систему, а сосуществуют, часто противостоят друг другу.

На интересные ограничения применимости классической западной модели к современной России указывает в своем исследовании Б. Капустин. При этом он ссылается на иерархическую схему уровней принятия решений Д. Истона. Такими уровнями являются: а) решения относительно того, кто «мы» есть (определение культурно-этнической идентичности, гражданства, принадлежности к государству в его территориаль-

ных и социально-культурных границах); б) решения относительно правил, процедур и прав (определение конституции и институциональной структуры «режима»); в) решения относительно распределения ресурсов (прежде всего власти и экономических благ). Эти уровни преимущественно «задействуют» соответствующие «качества» человека: а) добродетели и честь; б) разум; в) интерес.

Обычно данные уровни соединены одонаправленной и каузальной связью от «а» к «в», причем они имеют различные исторические ритмы развития — от столетий на первом уровне до годов и даже месяцев на третьем. Эта разность ритмов вместе с указанным видом каузальности обуславливают то, что — опять же обычно — игра интересов, влияющая на схемы распределения ресурсов, укладывается в матрицу конституционного порядка, выступающего для нее как данность, а последний опирается на устойчивость культурных идентичностей и этических норм.

По мнению Б. Капустина, проблема России заключается в разрушении устойчивых форм одновременно и соответственно в разрушении обычной схемы связи между ними. Как можно строить конституционный порядок, «по определению» обязательный для соблюдения безотносительно к тому, как это влияет на достижение частной выгоды, если заранее известно, каким будет такое влияние, и если частные интересы могут блокировать установление или обязательность соблюдения конституционного порядка? В то же время как строить конституционный порядок, если не ясно, кто такие «мы» и что такое «Россия», если опять же известно, какое влияние на те или иные интересы окажет то или иное определение «нас» и «России»?

В данном случае, по Капустину, системному описанию опять же противостоит реальное развитие России, причудливым образом и подпадающее под схему Истона, и ставящее под сомнение возможность ее применения.

В этих условиях, по Капустину, частный эгоистический интерес выступает единственным реальным «исходным фактом»

для любого плана действий, когда все регулирующие и направляющие его социальные связи и морально-политические обязательства в решающей мере (т. е. мере, значимой для общественной самоорганизации) как бы «приостановлены» и «свернуты»⁷.

Следующим ходом в этой логической цепочке является ситуация системы равновесия сил «дьяволов», в которой они сдерживали бы друг друга, взаимно не позволяя творить зло при преследовании собственных эгоистических интересов (метафора «дьяволов» принадлежит Канту). Если под «дьяволами» понимать элитные группировки, реально способные творить социальное зло, то эта ситуация должна привести к выработке взаимоприемлемых «правил игры» как основы упорядоченных процедур и правовых взаимоотношений. В терминах современной политической науки такое действие называется «пактом» ключевых политических акторов.

Но, по мнению Б. Капустина, ситуация в России снова не укладывается в общую схему. Это связано с тем, что «пакт» подразумевает частичную «деприватизацию» государства (по крайней мере, в смысле слова его узурпации частным интересом властвующей авторитарной кайки или расширения круга контролируемых его интересов). В случае России одним из следствий развала коммунистического строя было то, что власть оказалась в руках лиц и группировок в их частном качестве, и не было пространства, установленного для них в качестве граждан. Государство подверглось колонизации со стороны частных интересов и разделу на сферы их влияния, что уже делает невозможным институциональное разделение властей. В этих условиях установление равновесия маловероятно или может затянуться на столь долгий срок, что распад государственности станет необратимым.

Необходимо также помнить о невыводимости логическим путем равновесия частных интересов из их взаимной борьбы. Из «частной войны» выводятся только отношения господина и раба. В этом смысле равновесие частных интересов есть нечто случайное, возникающее в силу специфических обстоятельств. Задача же заключается в том, чтобы следствия такого

случайного стечения обстоятельств превратить в закономерность следующего этапа общественной жизни, институционально закрепив их. В этих условиях возникает возможность осознания «дьяволами» невозможности удовлетворения их эгоизмов какими-либо способами, пока сохраняется прежняя форма их взаимоотношений. Отсюда для «дьяволов» возникает субъективное стремление к изменению взаимоотношений, перевода конфликта в иную плоскость, в которой частный интерес соотносился бы с некоторыми всеобщими условиями реализации частных интересов, в том числе и данного. В таких условиях и создается гражданское измерение человеческого существования, решающее задачу создать предпосылки для осуществления многообразных и конфликтных частных интересов, причем надо отметить альтернативность такого развития авторитарному варианту.

Размышления Б. Капустина проблематизируют привычное и распространенное объяснение современных российских реалий сквозь призму борьбы интересов. Кстати отметить, что традиционная интерпретация «интереса» через приобретение собственности и накопление денежных средств тоже является идеологемой, редуцирующей реальную сложность этого понятия. Даже на уровне марксизма XIX в. (не анализируя все скрытые подтексты этой идеологии) существуют такие понятия, как «классовый интерес»; «подлинный — мнимый интерес»; «ложное сознание», ведущее к «действию вопреки собственным интересам». Если же говорить о современных западных исследованиях, то об ограниченности редуционистского понимания интереса свидетельствуют исследования А. Хиршмана, Р. Бендикса и ряда других ученых (с их точки зрения, идеи и ценности, как элементы групповой культуры, входят в оценку экономических интересов⁸).

Российское своеобразие проявляется и в том сложном синтезе, который возникает в результате соотнесения определенных тенденций мирового развития и внутренней динамики российского общества.

В частности, если пытаться говорить о влиянии глобализации как всемирного процесса на развитие России, то это влия-

яние может рассматриваться как набор неких императивов, определяющих (осознанно или неосознанно) выбор тех или иных стратегий. Под этим могут подразумеваться многие вещи: распространение однородных культурных образцов, практик, ценностей, технологий, стандартов потребления и влияние данных образцов на самую повседневность, само- и мировосприятие; постепенное создание единой глобальной экономической системы; концепции «расширения демократии»; формирование виртуального коммуникационного пространства; идеологическая легитимизация глобализации и т. д. Данные императивы становятся своего рода мерилом «современности» или «несовременности» развития России (в свою очередь, «отчуждаясь», они могут становиться точкой сбора, кристаллической решеткой тех или иных идеологических программ). Но глобализация может рассматриваться и как некое явление, вызывающее консервативную реакцию, сосуществующую с ней. А это уже связано с попыткой отстаивания собственной самобытности, «особости», с возрождением тех или иных традиционных, часто даже архаичных норм. Причем в случае России это очевидным образом связано еще с проблемой «советского наследия» и отношения к нему. То есть можно говорить о симбиозе глобализма и консервативной реакции, но не в диалектическом ключе, а с точки зрения «негативной диалектики» (Адорно, Хоркхмайер), когда тезис и антитезис не снимаются в синтезе, а продолжают сосуществовать, обуславливая друг друга.

Интересным образом это проявляется в одном из очевидных парадоксов российской государственности. С одной стороны, известно, что современные тенденции мирового развития, связанные с глобализацией экономических, политических и культурных процессов, ведут к ослаблению государства как основной точки отсчета, основной ячейки всей системы современного мирового развития начиная от спорта и заканчивая урегулированием международных конфликтов. С другой стороны, сама российская действительность в своих различных проявлениях так или иначе структурируется вокруг идеи необходимости укрепления государственности. Причем

обе тенденции сосуществуют и взаимодействуют друг с другом по принципу дополнительности. Как конкретный пример парадоксальности (их число можно множить и множить) уместно привести следующее умозаключение: усиление государства необходимо для того, чтобы успешно закончить экономические и социальные реформы с целью интеграции в мировое сообщество, развитие которого, в свою очередь, ставит под сомнение само существование сильного государства, проводящего необходимые реформы.

Данный пример с глобализацией отнюдь не претендует на анализ сложных и противоречивых глобализационных процессов. Уместнее рассматривать его в контексте продолжения размышлений о «гетерогенности» развития России. С этой точки зрения интересно сопоставить синхронно развивающиеся процессы, связанные с кризисом классической, традиционной формы «nation-state» на Западе, и развитие России. В западном контексте можно размышлять о новом этапе в развитии классической политики, воспринимаемой системно; в России же воздействие глобализационных процессов соседствует с развитием собственно «nation-state». Причем в отечественном контексте оба параметра, характеризующие внешнее развитие и внутреннюю динамику, опять же развиваются асинхронно.

В заключение теоретической части надо указать, что современное развитие России очевидным образом с трудом описывается в традиционных идеологических терминах (например по шкале либерализм — консерватизм) или в категориях линейного развития (прогресс — регресс). В таком случае как на теоретическом уровне, так и на уровне практических исследований различных сфер российского общества и развития России в целом речь идет о необходимости выстраивания сложных моделей с нелинейной логикой, совмещающей как консервативные, так и модернизационные тенденции.

В следующей части работы автор сделал попытку проанализировать политические процессы, развивающиеся на уровне отдельного российского региона с учетом заявленных выше методологических подходов.

Интересно сопоставить современную трансформацию в России, анализируемую на региональном уровне, с механизмами трансформации западных обществ в новое время, рассматриваемых в системной связи (оформление территориального государства; конфликт общества и государства; становление nation-state и т. п.). Рамки статьи не позволяют полностью развернуть эту тему, но так или иначе проблематика современного развития России связана с выявлением соотношения между собой четырех составляющих общества модерна: государства, капитализма, индустриализма и демократии (при отсутствии возможности рассматривать этот процесс как предопределенный; его непредсказуемости; при присущем ему, по удачному определению Б.Г. Капустина, «экспериментальном» характере).

В силу малой разработанности моделей анализ конкретного материала во второй главе представляет из себя скорее описание некоторых тенденций, размышления «по поводу», а не законченное исследование.

II. Политический кризис в Иркутской области

Затянувшееся на период всей второй половины 2000 г. формирование высшего органа законодательной власти Иркутской области (выборы спикера — это лишь заключительный эпизод) очевидным образом свидетельствовало о ситуации, которая может быть определена как политический кризис (возможно, уже прошедший — спикера все же выбрали; а возможно, еще и не преодоленный — впереди выборы губернатора). В ходе нескольких попыток выборов руководящих органов Законодательного собрания выявились как минимум две группы депутатов. Одна выступала в поддержку кандидата, выдвинутого губернатором Б.А. Говориным; другая отставала кандидатуру В.М. Боровского — генерального директора «Иркутскэнерго». Существуют различные, противоречащие друг другу интерпретации данных событий. Одна из них основывается на обвинении в происходящем «энергетической», как ее называют, оппозиции. Другая группа считает виновны-

ми губернатора и депутатов, находящихся под его влиянием. Естественно, что полнораспространенный подталкивает любого наблюдателя сделать свой выбор. На первый взгляд, конфликт можно рассматривать просто как борьбу разных ветвей региональной власти.

Нам же представляется более продуктивным попытаться проанализировать происходящее не только с точки зрения противоборствующих сторон. Для этого необходимо задействовать в анализе как политическую, так и другие составляющие конфликта. Точнее, попытаться рассмотреть политические факторы кризиса в их взаимосвязи с экономическими, социальными, личностными и т. д. Основываясь на этой послышке, выделим несколько вариантов анализа происходящего, отталкиваясь от политического кризиса как реальности, требующей адекватного описания.

Всеми наблюдателями происходящее связывается с феноменом «Иркутскэнерго», крупнейшей независимой (пока?) региональной энергетической компании. Именно «Иркутскэнерго» рассматривается многими как база, фундамент для формирования оппозиции в ЗС, хотя сама связь интерпретируется по-разному.

В таком случае мы получаем уже более сложную, двухуровневую картину происходящего: «Иркутскэнерго» как экономическая структура и ее влияние на политический процесс в регионе. Но определить «Иркутскэнерго» как просто экономическую структуру — значит сознательно упростить истинную картину. Попробуем приблизиться к реальности через усложнение этого определения. Итак, «Иркутскэнерго» — это:

1. Собственно экономическая структура со своими проблемами развития.

2. Экономическая структура, чьи производственные мощности создавались в советскую эпоху, или, другими словами, часть «советского наследия» (продукт советской модернизации). Специфика советской модернизации, проводившейся, как известно, внеэкономическими методами, сказалась и на развитии производственных мощностей «Иркутскэнерго». Со-

гласно централизованной логике развития советской экономики, выражавшейся, например, в создании и развитии топливно-промышленных комплексов, Иркутская область представляла собой инфраструктуру для развития советской энергетической системы (сознательно преувеличивая, в этом случае можно говорить не об иркутянах, а об «иркутскэнергоцах»). Затопление плодородных, пахотных земель Иркутской области для создания ангарского каскада ГЭС, с этой точки зрения, проводилось в целях развития всей «советской экономики» (с ударением на первом слове — «советской»). Но это вело не просто к частичному подрыву сельского хозяйства и превращению в сырьевой регион, а являлось изменением вектора развития и могло восприниматься как трагедийный сюжет (достаточно вспомнить «Прощание с Матерой» В.Г. Распутина). Иркутяне в таком случае предстают как «заложники» (и «наследники») одного из вариантов этой модернизации по-советски, «догоняющей» модернизации, понимавшейся как прежде всего индустриальное развитие⁸. Но, в свою очередь, они не являются только жертвами, ведь именно за счет дешевой электроэнергии достигается относительное современное благополучие области.

3. Корпоративная структура, чье юридическое оформление приходится на волну демократизации и приватизации в РФ («демократическое наследие»), — в данном случае речь идет о «ельцинском» периоде с его общеизвестными достоинствами и недостатками. Именно на этот период приходится оформление независимой энергетической компании как таковой в условиях непроясненности вопросов собственности, возникшей в процессе «торга» между центром и регионом.

4. Структура, являющаяся основой экономики Иркутской области, обуславливающая уровень развития региона на данный момент.

5. Структура, являющаяся неотъемлемой частью федеральной энергосистемы.

6. Экономическая структура, развитие которой связано с будущим Иркутской области, тем или иным вектором ее развития.

В таком контексте современный кризис предстает как индикатор развития качественно нового (определим его как «постельцинский») этапа в социально-экономическом и политическом развитии РФ на уровне региона, точнее сказать, спроецированного на уровень региона. Продолжающееся же влияние фактора «Иркутскэнерго» на политическое развитие области не является случайным.

Мы начали с политики, перешли к экономике, попытавшись расширить узкие экономические категории. Попробуем теперь вернуться опять к политике, уже не на уровне политической риторики, часто бескомпромиссной и основанной на взаимных обвинениях. В политическом плане имеют смысл следующие подходы к определению роли «Иркутскэнерго»:

1. Очаг «энергетической» оппозиции по отношению к существующему иркутскому «политическому режиму»¹⁰. Необходимо отметить «неочевидность» оппозиционной стратегии, что выражается в обвинениях ее в том, что данная стратегия основана на стремлении к сохранению статус-кво или просто на частных интересах.

2. Очаг оппозиции по отношению к федеральному центру в лице РАО «ЕЭС России».

3. Место разворачивания новой схватки за передел собственности в условиях «большого передела» в постельцинской России, основной плацдарм этой битвы на уровне региона, своего рода «переходящее красное знамя», вручающееся победителю в «капиталистическом соревновании».

4. Плацдарм для завоевания будущей губернаторской власти.

Все эти и многие другие вводные значительно усложняют картину конфликта, превращая его не просто в «обмен любезностями». Как мы уже указывали, существуют несколько вариантов интерпретации:

1. Главное — непрозрачное выяснение взаимоотношений различных собственников. Все остальное можно рассматривать как прикрытие этой корпоративной «войны интересов». Есть как бы огромный айсберг, представляющий из себя переплетение стремлений различных «олигархических» групп,

взаимодействующих на территории региона, а противостояние в ЗС — довесок, смазанное отражение этой реальности или своего рода некое «ритуальное место», перемещения в котором надо воспринимать в виде зашифрованного обмена посланиями между «посвященными».

С такой точки зрения подоплека кризиса следующая:

Поскольку методы руководства областью нынешней администрации являются «административно-популистскими», то это неизбежно ведет к ущемлению интересов ряда влиятельных корпоративных структур. В политике нынешней областной администрации и губернатора упор при этом делается на сохранение существующих и создание новых рабочих мест на промышленных предприятиях. Для обеспечения их работы и ведется политика максимально возможного замораживания цен на энергоносители, что резко уменьшает прибыли энергетиков, угольщиков и производителей нефтепродуктов. При этом, поскольку главной целью является максимальное расширение налоговой базы, усиливается административное давление на предприятия. В этих условиях региональный ТЭК становится «крайним», в чем главная причина возникновения корпоративной оппозиции, интересы которой и отстаивают «несогласные» депутаты ЗС.

2. Главное — «выяснение взаимоотношений» Иркутской области и федерального центра. Здесь необходимо сделать оговорку: в случае борьбы интересов центр так или иначе тоже задействован. Но в отличие от первой интерпретации во второй сделан акцент не на внутренней динамике развития региона, а на его взаимоотношениях с внешними условиями (в данном случае — на взаимоотношениях между центром и Иркутской областью как субъектом РФ).

Но надо учесть двойственность, точнее, множественность понятия «центр» (она уже проявляется и в первой интерпретации).

Центр можно представить как РАО «ЕЭС России». Отсюда конфликт субъект — центр превращается в конфликт РАО ЕЭС — «Иркутскэнерго». Логика РАО — прежняя структура не соответствует новой реформируемой федеральной энергосистеме — необходимы перемены. Оставляя в стороне все

очень сложные вопросы выявления взаимоотношений между РАО ЕЭС и «Иркутскэнерго», можно констатировать, что результатом является нарушение баланса сил или, точнее сказать, состояние постоянной неопределенности на уровне области.

Здесь надо сделать небольшое отступление с целью характеристики социально-экономических оснований конфликта РАО ЕЭС и «Иркутскэнерго». Роль компании «Иркутскэнерго» в региональной экономике чрезвычайно велика — по сути, она является основным звеном в существующей инфраструктуре крупного бизнеса (в Иркутской области функционирует большое количество энергоемких предприятий, некоторые из них входят в число крупнейших в масштабах России — Братский и Иркутский алюминиевые заводы; Усольский и Саянский химкомбинаты; Братсккомплексхолдинг (Братский АПК) и Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат). Поэтому «Иркутскэнерго» имеет высокий уровень влияния на всю промышленность области и на каждое предприятие в отдельности.

При плановой экономике энергоресурсы и производственные мощности Восточной Сибири были сбалансированы таким образом, что потребность в дешевой электроэнергии полностью удовлетворялась. Именно на дешевое электричество было рассчитано строительство энергоемких промышленных предприятий Иркутской области.

Новые реалии, возникшие в результате социально-экономической трансформации российского общества, привели к необходимости пересмотра прежнего оформления иркутского варианта советской модернизации, что, в частности, выразилось в конфликте вокруг «Иркутскэнерго».

Конфликт вокруг «Иркутскэнерго» начался еще в 1992 г., когда вышел указ Президента РФ № 923 «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации», которым предусматривалось создание РАО «ЕЭС России». В его «уставный фонд» каждое предприятие энергетического комплекса страны должно

было внести не менее 49% акций. Практически создавалась своеобразная «надстройка» над региональными энергосистемами.

По этому указу Братская, Усть-Илимская и Иркутская ГЭС в Иркутской области должны были перейти в собственность РАО «ЕЭС России». Оставшиеся ТЭЦ и сети должны были акционироваться. Причем 51% акций передавалось бы работникам, трудившимся в «Иркутскэнерго» на момент передачи, и бывшим работникам, имеющим на это право, а 49% должно было поступить тоже в собственность РАО. Некоторые регионы не подчинились указу. Тогдашний губернатор области Ю.А. Ножиков приостановил действие указа, как ущемляющего интересы жителей Приангарья. 10 ноября 1992 г. Юрий Ножиков поручил областному комитету по управлению имуществом провести акционирование «Иркутскэнерго» в соответствии с указом №721. Что и было сделано. При этом за государством сохранился контрольный пакет акций.

В 1993 г. «план приватизации» был переоформлен и государственный пакет разделен соответственно 50 на 50 на областную и федеральную собственность. Но, не обращая внимания на доводы иркутской стороны и опираясь на президентский указ №923, РАО «ЕЭС России» упорно добивалось включения «Иркутскэнерго» в свою структуру.

Следующий этап борьбы за «Иркутскэнерго» начался в 1997 г. Тогда в Иркутске новым губернатором был избран Борис Говорин. На другой день после выборов, т. е. 28 июля, 20% государственного пакета «Иркутскэнерго» было передано в доверительное управление Финансово-промышленной группе (ФПГ).

Таким образом, начиная с момента приватизации в 1992 г., существовала проблема разграничения собственности 40-процентного государственного пакета акций «Иркутскэнерго». Но Иркутская область и правительство России в течение семи лет работали по разработанной схеме совместного управления этим пакетом. Правовая основа для развития решения по разграничению государственного пакета появилась в прошлом году. Тогда был принят федеральный закон, устанавливающий

принципы и процедуру разграничения. Казалось бы, теперь можно будет решить этот вопрос, но началось самое интересное. Мингосимущество обратилось с иском в Высший арбитражный суд РФ об изъятии всего 40-процентного пакета акций «Иркутскэнерго». По решению Высшего арбитражного суда все 40% акций ОАО «Иркутскэнерго» на данный момент перешли в федеральную собственность. Из них Иркутская область получила 15,5%, но лишь в доверительное управление.

Надо отметить, что данная фактическая сторона дела получила и получает на региональном уровне самые различные интерпретации.

3. С другой стороны, центр можно воспринимать просто как стилистику федеративного государства. В таком контексте перераспределение полномочий — создание федеральных округов как отражение новой реальности в остающемся федеративным, но стремящемся к централизации государстве естественно ведет к нарушению прежнего баланса во взаимоотношениях Иркутской области как субъекта федерации и центра.

Все три приведенные интерпретации в реальности тесно связаны между собой. Так или иначе мы видим противостояние частного интереса и «ельцинского» дизайна регионального режима; просматривается и противоречие федеральной, экономической и «новореформаторской» (по Грефу) логики развития энергетической отрасли и сложившейся региональной экономической структуры, опирающейся на энергетику.

Число интерпретаций можно увеличивать до бесконечности, но тем не менее можно постулировать реальность политического кризиса как кризиса представительских форм региональной власти.

На фоне этого кризиса формируется позиция губернатора Б.А. Говорина (точнее, идеологическое оформление этой позиции): губернатор — лидер региона; народу (населению Иркутской области) необходимо стабильное, без потрясений развитие; действия оппозиции же в Законодательном собрании — подрыв стабильности с целью отстоять собственные корпоративные интересы, противопоставив их интересам области. Как вывод: «хватит возни, надо заниматься делом»¹¹.

В свою очередь, оппозиция обвиняет Б.А. Говорина в «подрыбе демократии, несоблюдении демократических норм, сделке с Чубайсом как главой РАО ЕЭС опять же за счет интересов области».

Само развитие противостояния характеризовалось непримиримостью позиций и отсутствием осознанного стремления к компромиссу, несмотря на несколько попыток его достижения. В политической теории такой вариант развития политического процесса рассматривается с помощью математической модели «игры с нулевой суммой» (победитель получает все; проигравшей стороне не остается ничего).

И та, и другая сторона в ходе развития конфликта пыталась расширить поле противостояния за счет обращения к авторитету центра; так, раздавались голоса о возможности роспуска ЗС (в случае инициированной поддержки президента). Оппозиция, в свою очередь, инициировала обращение в Государственную Думу с целью отставания собственной позиции. Следует отметить, что большинство депутатов ГД активно поддерживало «энергетическую» оппозицию. В интерпретации конфликта на личностном уровне это выглядело примерно так:

Видные депутаты ГД, избранные на третий срок, — Юрий Тен и Виталий Шуба, все время старались, особенно на думских выборах 1999 г., приписать себе все достижения в стабилизации экономического положения в регионе; кроме того, Ю. Тен пытался с помощью лоббистских связей в Москве обеспечить своему ОАО «Труд» выгодные подряды на дорожное строительство. Переход в оппозицию Константина Зайцева — депутата ГД от Ангарска — объясняется его связями с рядом давальческих структур в нефтяном бизнесе, которые потеряли контроль над сбытом продукции Ангарской нефтехимической компании из-за прихода новых собственников. (В настоящее время контрольный пакет выкуплен у «СИДАНКО» ранее малоизвестной компанией «Росинвестнефть» — зарегистрирована в г. Калуге с уставным капиталом 85 тыс. рублей.) Ее владелец Виталий Машинский — выходец из Иркутска — тесно связан с компанией «ЮКОС». Вначале планировалось, что вместе с рядом нефтесбытовых структур — «Иркутскнеф-

тепродукт», «Бурятнефтепродукт» и др., комбинат будет включен в состав проектируемого холдинга «РИНКО», но в настоящее время «ЮКОС» поставляет нефть для переработки на комбинате и планирует строить трубопровод из Ангарска в Китай¹². Депутат ГД от СПС Юрий Курин — бывший заместитель губернатора Юрия Ножикова по административно-правовым вопросам, поддерживается рядом политиков, связанных с Братской мэрией и деятелями прежней «ножиковской» администрации, прежде всего бывшим первым заместителем губернатора, ныне председателем правления «БайкалОнэксим-банка» (с конца 1998 г. банк самостоятелен) и вице-президентом группы «Интеррос» В. К. Яковенко.

Некоторые депутаты ГД и регионального ЗС просто «конвертировали» свои «идейные» позиции в организационно-финансовую поддержку структур, близких к «Иркутскэнерго». Это относится прежде всего к первому секретарю местного ОК КПРФ Сергею Левченко — депутату Госдумы, и радикальному национал-патриоту Антону Романову — одному из ведущих деятелей оппозиции в ЗС.

Число фактов можно увеличивать, но очевидно, можно говорить о тесной взаимосвязи между депутатством и представительством корпоративных интересов.

Обе стороны в конфликте делали попытки использовать партию власти «Единство» как ресурс давления на соперника и на уровне региона, и на уровне центра. Широко распространилась апокрифическая версия, что Центральные политсоветы «Единства» поддерживал на выборах спикера ЗС В.М. Боровского и лишь личное вмешательство Сергея Шойгу заблокировало эту поддержку¹³.

Были активно задействованы центральные и региональные СМИ и с той, и с другой стороны. СМИ активно освещают позиции обеих сторон конфликта, что дезавуирует тезис оппозиции о «зажиге свободы слова» со стороны исполнительной власти. Так, выстроенную оппозиционную линию проводит газета «Честное слово», а резко противоположную позицию — созданная по всем правилам «черного PR» газета «Честное новое слово». Мнения оппозиции были выражены в нашумев-

ших на уровне региона публикациях московских изданий «Версия», «Известия» и «Независимая газета». Из местных СМИ заслуживают внимания (своей «экзотичностью») две резко противоположных публикации. Так, своеобразную интерпретацию политического процесса в области представил бывший депутат ЗС и ранее верный сподвижник А. Романова национал-патриот Александр Турик. В целом одобряя позицию губернатора, автор в своей статье проводит аналогии между деятельностью оппозиции и деятельностью, как он выражается, «Лейбы Троцкого в 1917 г. в России»¹⁴. Интересно и появление аналитической статьи на интересующую нас тему на страницах спортивной газеты «Наша Сибскана» («Сибскана» — иркутская команда по хоккею с мячом — кумир иркутских болельщиков). Статья претендует на разоблачение «мифов», связанных с деятельностью губернатора и областной администрации. Ее появление на страницах спортивного издания можно рассматривать как оригинальную «PR-акцию» (представим себе, что столичный «Спорт-экспресс» начнет публиковать статьи по политико-философским проблемам развития России)¹⁵.

Таким образом, конфликт развивался с помощью задействования всех элементов политической системы на уровне региона — партийные структуры, СМИ, использование PR-технологий. Чем не бурный и активный политический процесс!

Правда, есть одно большое но. Характерно, что данный конфликт развивается внутри региональной элиты, при пассивности населения (если не принимать во внимание варианты манипулятивного протеста на уровне молодежи — в одном из сюжетов местного ТВ участники студенческой акции протеста затруднились объяснить журналисту смысл содержания своих плакатов). Интересно, что в этих условиях меняется сам смысл Законодательного собрания — ему грозит или полное превращение в «демократический фасад», или бескомпромиссное место битвы путем взаимных обвинений с использованием демократической риторики. Само же пространство ре-

гионального парламента можно рассматривать с помощью самых разных метафор: «толковище», «спектакль», «колхозное собрание». Главной же проблемой остается превращение его в «политический клуб».

Элитарность конфликта (причем не функциональная, а как сущностная, что подразумевает рассмотрение пассивности населения не как дисфункции системы, а ее качественной характеристики) и упрощает, и усложняет анализ конфликта (упрощает, например, с точки зрения политтехнологии, направленной на фабрикацию «общей воли»; усложняет в случае попытки качественного анализа — естественно, что это предполагает дополнительное исследование отношения «молчаливого большинства» к происходящему). Упомянутая выше корпоративная модель являлась и является наиболее распространенной объясняющей моделью и с той, и с другой стороны. Причем часто данная модель применяется как «идеологическое оружие» с целью поражения противника.

Своеобразным, более аналитическим продолжением корпоративной модели являются различные транзитологические («переходные») модели развития политических режимов, разрабатываемые отечественными учеными как на региональном материале, так и на общероссийском¹⁶. Одним из ключевых понятий для этих моделей является «политический режим». Политический режим описывается как некое состояние политического процесса с помощью четырех различных типов независимых переменных:

- акторы;
- институты;
- ресурсы;
- стратегии.

В таком случае понятие политического режима будет означать совокупность «акторов» политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти. Или, на языке шахмат: если перед нами стоит задача анализа шахматной партии, то нам необходима информация как об игроках («актерах») и

правилах («институтах») игры, так и о фигурах («ресурсах»), их ходах («стратегиях»). Отсылая читателя к развернутому теоретическому изложению данных теорий¹⁷, можно высказать предположение, что региональный политический режим в своем современном состоянии вошел в период неопределенности. В своих прежних характеристиках иркутский политический режим (если брать за точку отсчета предыдущие выборы губернатора в 1997 г. и рассматривать их результаты как «формирование» режима) можно было охарактеризовать как режим, формировавшийся по сценарию «консенсуса элит»¹⁸.

Это подразумевало создание условий для формирования режима с господством доминирующего актора, опирающегося на компромиссные стратегии и преимущественно неформальные институты. Но данный режим сам по себе не ведет к устойчивости. Вызов «сообществу элит» создает прежде всего самой его основой, подразумевающей преобладание неформальных институтов при принятии решений на основе компромиссных стратегий. Как следствие формирования «сообщества элит» можно рассматривать возникновение гибридного режима (сам по себе гибридный режим может эволюционировать как в сторону моноцентризма, т. е. развития сценария «победитель получает все» (примеры — Беларусь, Казахстан, Грузия, Москва, Татарстан, Калмыкия), так и в сторону реализации сценария «борьбы по правилам» (примеры — Удмуртия, Марий Эл, Свердловская область), для которого характерны конкуренция акторов при отсутствии доминирования одного из них, опора на формальные институты, компромиссные стратегии. В то же время многие ученые указывают на возможность постоянного воспроизведения гибридного режима по модели «stop and go», когда распад «сообщества элит» будет создавать для акторов угрозу новой неопределенности, предотвращение которой связано с более или менее успешным ресурсообменом в рамках неформальных институтов. Такой режим может обеспечить сохранение ресурсов политических и экономических акторов, позволяя им избежать как применения силовых стратегий, так и угрозы утраты вла-

стных позиций в рамках формальных институтов. То есть в данном случае возникает достаточная устойчивость режима при перманентной ситуационной нестабильности его элементов.

Хотелось бы остановиться еще на одном важном моменте, характерном для ситуации неопределенности. Мы уже указали на возможность развития сценария «победитель получает все» и создания в результате моноцентрического режима, опирающегося на преобладание неформальных институтов и силовых стратегий. Иногда такой режим обозначается как «авторитарная ситуация». Ее отличие от институционализированного авторитарного режима состоит в том, что он (режим) развивается в рамках конституционных (формально демократических) институтов, но при этом сопровождается исключением из политического процесса отдельных политиков и организаций и контролем над прессой.

Выход из неопределенности по сценарию «борьбы по правилам» создает условия для трансформации политического режима в сторону демократизации в отношении как плюрализма акторов и полицентризма политического режима, так и становления формальных демократических институтов, исключающих угрозу «захвата властных полномочий» и ведущих к подотчетности и сменяемости власти. Такую ситуацию можно обозначить как «демократическую». Отличие «демократической ситуации» от демократического режима состоит в том, что демократизация является лишь одним из возможных последствий выхода из неопределенности. Неустойчивость формальных институтов нового режима может привести к тому, что при изменении соотношения сил у акторов возьмут верх устремления исключить своих противников из равноправной конкуренции или ограничить угрозу утраты собственных позиций. Результат трансформации и в этом случае весьма подвержен воздействию ситуационных факторов¹⁹.

Очень важным для характеристики политического процесса в Иркутской области является выявление соотношения внутренних и внешних акторов. Ряд исследователей с целью

подчеркнуть специфику регионального режима, характеризующегося отсутствием или слабой автономией акторов и наличием системы управления, вводят понятие «административный режим» (это понятие часто применяется для характеристики региональных режимов в позднесоветский период)²⁰; но его можно рассматривать и как обозначение определенной тенденции в развитии собственно политического режима, развивающегося на уровне региона в постсоветских условиях. Мы уже указывали на важную роль центра в развитии политического кризиса в Иркутской области, хотя, тем не менее, конфликт обладает и собственной динамикой.

В начале 2001 г. ярким примером появления внешних акторов стал аукцион по продаже государственного пакета акций региональной компании «Востсибуголь» (3-я компания России по объему добычи; итоги аукциона должны быть объявлены в первой декаде февраля). Заявки на покупку были поданы как местным холдингом «Истлэнд» (в настоящее время Президент холдинга Сергей Ерошенко является председателем Совета директоров «Востсибугля»), так и аффилированными структурами «Русского алюминия», кроме них в игре есть и сильные участники, связанные с угольно-металлургическим комплексом Красноярского края. За двумя последними маячат фигуры таких известных олигархов, как Олег Дерипаска и бывший министр топлива и энергетики Сергей Генералов²¹. В случае победы «Русала», контролирующего и большой пакет акций «Иркутскэнерго», возможно согласованное давление не только на угольщиков, но и на тесно связанную с ними администрацию региона, в таком случае вынужденную опереться на близкие к группам «Альфа» и «Ренова» структуры, в частности, Сибирско-Уральскую алюминиевую компанию и, возможно, Тюменскую нефтяную компанию. Иркутская область тогда может удостоиться сомнительной привилегии — стать полем «битвы гигантов», особенно если «Русский алюминий» решит выдвинуть альтернативную фигуру на губернаторских выборах 2001 г.

Вообще же рассмотрение центра как внешнего актора по отношению к региональным режимам требует очень больших уточнений (выявления, например, наличия определенной стратегии или отличия хаотического воздействия с целью персонального наполнения властных позиций от стремления к изменению региональных политических режимов как таковых и т. д.). На увеличение степени автономности внутренних акторов влияют количество и степень диверсификации ресурсов (как непосредственно перераспределяемых, так и непосредственно не перераспределяемых — среди последних можно указать на человеческий капитал и культуру). Интересно также, что в политической науке существует гипотеза о прямой зависимости между количеством и уровнем диверсификации непосредственно не перераспределяемых ресурсов и близостью политического режима к демократии (хотя последний вид ресурсов может быть вполне успешно конвертируем в непосредственно распределяемые ресурсы — властные позиции, финансы и т. д. — примером этого может служить использование правящими группировками российских регионов исторических традиций советского и/или дореволюционного прошлого в целях укрепления собственной легитимности и максимизации контроля над политическими и экономическими ресурсами). Приведенные выше рассуждения в плане оценки автономности регионального режима вполне применимы к Иркутской области и свидетельствуют о значительной степени этой автономии, хотя и с рядом важных оговорок (в частности, первичным в плане этой автономии является собственно сам регион как территориальная структура и источник ресурсов, а не конкретные личности).

Транзитологические модели борьбы элит вполне применимы к современным иркутским реалиям. Но в силу «гетерогенности» российского развития, несмотря на эвристичность описаний, для автора основной проблемой и трудностью является использование понятия «политический режим» (если, конечно, оно не применяется просто в каталогизаторских целях, для сортировки материала по алфавиту). Ведь в этом случае за точ-

ку отсчета берется административно-территориальное деление, унаследованное от советского прошлого. Уже упоминавшийся В. Каганский пишет по этому поводу: «Общество регионов — такая метаполитическая ситуация, где привычные представления о политике и ее схемы неприложимы, а если их приложить, оказываются амбивалентными и/или абсурдными». И еще: «Регионы — политические субъекты ситуации без политики». Можно спорить с данными высказываниями, но на определенную специфичность «наследуемого» советского пространства («пространства без пространства») они указывают верно. Правда, в региональных транзитологических моделях используется и уже упоминавшееся понятие «административный режим» (оно используется для характеристики позднесоветского периода развития отдельных регионов). Если продолжить размышление в этом ключе, то упоминавшаяся выше автономия и есть проявление этой «сохраняющейся» административности. Но в данном случае «автономия» технологична (автономна и колония, управляемая наместником), правда, возможно и наполнение «технологичности» реальным содержанием.

Таким образом, мы попытались дать качественную характеристику состояния неопределенности на уровне региона как следствия политического кризиса и проанализировать возможные сценарии развития событий.

Заявленная ситуация неопределенности может рассматриваться и как качественный анализ ситуации (в транзитологии), и как, может быть, невозможность использования заявленных «гетерогенных» моделей в данном виде для анализа конкретного материала (из-за их неочевидности и недостаточной теоретической разработанности). Автор еще раз хотел бы подчеркнуть, что данная статья может рассматриваться только как заявка, набросок ряда проблем и попытка их привязки к конкретной региональной ситуации.

Хотя, по большому счету, это состояние вписывается в общероссийский контекст постельцинского этапа с его амбивалентностью развития, определяемому, например, Д. Фурманом

с помощью понятия «народной монархии» или «монархического президентства». Д. Фурман дает свою, отличную от И. Солоневича, интерпретацию этого понятия. «Фактически мы умудрились соединить несоединимое — восстановить традиционную генсековскую систему безальтернативной власти в условиях свободы политической деятельности и свободы выборов. Эта система может вызвать, как любая оригинальная «хитро продуманная» конструкция, даже чувство эстетического наслаждения. И, безусловно, эта система прочная. Но оригинальная не значит хорошая, а прочная не значит вечная»²². Именно поэтому, раньше или позже России предстоит серьезное испытание — кризис перехода от системы безальтернативных выборов верховной власти к системе выборов альтернативных и реальных. Но это будет не просто смена идеологии, формы, а смена психологии, содержания, не переход от одного хозяина к другому, а начало жизни без хозяина вообще»²³. В плане общетеоретических рассуждений можно указать на отсутствие сбалансированности между частным интересом и его конституированностью как на одну из основных проблем этого периода, но это даже не проблема, а вызов современному российскому обществу, проверка его на прочность и соответствие современным мировым реалиям²⁴.

В заключение все же попытаемся сделать выводы, основываясь на обсуждавшихся в первой части проблемах «гетерогенности» развития России (вспомним идею одновременного развития различных этапов истории классического западного модерна) с учетом реалей анализировавшегося во второй части политического конфликта на уровне региона. Мы имеем и ограничение регионального суверенитета через выстраивание «управляемого», работающего, эффективного государства — причем не просто как «технократической» модели, этапа социальной инженерии, что дано «в ощущениях», а как выражения стремления к оформлению «state» в цивилизационном аспекте («наведение элементарного порядка»). Это не наступление на «демократические» права и свободы на уровне региона (хотя может трактоваться и подобным образом, способ-

ствуя, кстати, развитию этих «самых прав и свобод», но последнее отнюдь не предопределено), а скорее, нарушение баланса с разными возможными альтернативами. Прослеживаются и технологические императивы развития федеральной энергетической системы, бросающие вызов сложившемуся статус-кво на уровне региона. Отсюда тоже кризисность момента. Сама собой в конфликте прослеживается борьба за власть на уровне региона и в частности подготовка к приближающимся губернаторским выборам. Не менее важным является передел поделенной собственности с участием крупных российских ФПГ. В таком случае и споры в Законодательном собрании не могут рассматриваться только с помощью риторического образа противопоставления демократии и авторитарности.

Таким образом, можно говорить об одновременности развития разнородных процессов, связанных с развитием и сложным взаимодействием всех составляющих современности, понимаемой как проект (Б.Г. Капустин): государства, индустриализма, капитализма и демократии.

В конце статьи уместен вопрос, связанный со все той же ситуацией неопределенности. Если рассматривать неопределенность как результирующую действия данных процессов, то означает ли это некий «ноль», или, другими словами, «стагнацию». Скажем, как результат централизации («борьба с региональными боярами») — появление двух центров для иркутского региона (Москва, Новосибирск). Логика же взаимоотношений этих центров с регионом остается той же. Или развитие федеральной энергосистемы через сброс на региональный уровень убыточных, местных ТЭЦ — это тоже ведь технологическое (индустриализм и капитализм) решение, имеющее рациональное в масштабах всей страны обоснование, правда, ставящее под сомнение саму возможность нормального существования и выживания сельских районов области.

В то же время можно полностью превратить Законодательное собрание в арену выяснения взаимоотношений конкури-

рующих групп, сделать этот орган своего рода аппендиксом к этим взаимоотношениям («демократическим фасадом»); но и роспуск Законодательного собрания как «мешающего» работе «на благо» населения Иркутской области — до боли знакомое решение.

Или все же есть изменения, какое-то качественное развитие — если да, то встает вопрос об индикаторах этих изменений. Все это диктует необходимость более комплексного исследования как на уровне функционирования региональных институтов власти, так и на уровне политической культуры населения (естественно, при дополнительной разработке теоретической базы исследования).

Итак, еще раз повторим, что политический кризис в Иркутской области является очень интересным объектом для анализа, в ходе которого можно выявить и тенденции к укреплению (с точки зрения централизации) государства; рациональное давление на региональную власть со стороны центра; переплетение технологических императивов развития федеральной энергосистемы и борьбы за власть на уровне региона. Можно отметить артикулирование, попытку выразить свои интересы, отстоять их через Законодательное собрание и в то же время элитный, верхушечный характер конфликта и попытки манипулирования обществом. Причем все эти процессы развиваются одновременно и взаимосвязанно, свидетельствуя о переходном состоянии российской политики, выражающемся на уровне региона в состоянии неопределенности.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995. — С. 301 — 302.

² Луман Н. Тавтология и парадокс в описании современного общества // Социо-логос. — М., 1991. — С. 194 — 216.

³ Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Равноположенное развитие во внутренней и международной политике // Политическая наука в России. — М., 2000. — С. 369 — 388.

⁴ Ильин М.В. Политическое самоопределение России // Pro et Contra. — Т. 4. — №3. — Лето 2000. — С. 67, 69 — 70, 73, 82 — 84.

⁵ Wood G. Was America born capitalist? // Wilson Quarterly. — 1999. — Spring.

⁶ Fucuyama F. How to Re-Moralise America // Wilson Quarterly. — 1999. — Summer.

⁷ Капустин Б. Либеральная идея и Россия // Иное. Россия как идея. — М., 1995. — С. 140.

⁸ Коротеева В.В. Экономические интересы и национализм. — М., 2000. — С. 18.

⁹ Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. — М., 1998. — С. 35 — 36.

¹⁰ Возможность применения понятия «политический режим» к единицам субнационального уровня, в том числе и по отношению к российским регионам, обосновывается В. Гельманом в: Россия регионов: трансформация политических режимов. — М., 2000. — С. 56.

¹¹ Взгляды Б.А. Говорина на развитие Иркутской области (безотнositельно к самому расколу в ЗС) ярко выражены в интервью «Общей газете» — Стране требуется министерство идей // Общ. газ. — 2000. — 21 — 27 дек. — №51 (385).

¹² Интересно, что В. Машицкий — одна из ключевых фигур «дела П.П. Бородин», так как в списке швейцарской прокуратуры он значится получателем нескольких миллионов долларов «комиссионных» за подряд на реставрацию Большого Кремлевского Дворца от фирмы «Мабетекс».

¹³ В региональную организацию «Единства» (ее политсовет) входят как явные сторонники Б.А. Говорина, прежде всего А.И. Федоров — президент Иркутского авиационно-производственного объединения, так и его открытые противники (В.М. Боровский, В. Матненко — бывший вице-губернатор, ныне президент хоккейного клуба «Сибскана», и др.). К губернаторским выборам организация может оказаться на грани раскола.

¹⁴ Турик А. Кто кричит «держи вора» или бал-маскарад в Законодательном собрании // Русский Восток. — 2000. — №2.

¹⁵ Мартов Л. Иркутская политика: мифы и реальность // Наша Сибскана. — 2000. — №2. — 18 дек.

¹⁶ Мельвиль А.Ю. Демократический транзит в России: сущность неопределенности процесса и его результаты // Космополис: Альманах 1997. — М., 1997; Он же. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России. — С. 350 — 365.

¹⁷ Россия регионов: трансформация политических режимов. — С. 18 — 60; Гельман В. Как выйти из неопределенности // Pro et Contra. — Т. 3. — №3. — Лето 1998. — С. 21 — 39.

¹⁸ Как примеры политологи приводят Украину, Томскую и Омскую области, впрочем, консенсус на Украине в начале XXI в. уже явно сменился «войной элит», что наводит на соответствующие аналогии.

¹⁹ Интересный анализ действия фактора неопределенности в демократических и авторитарных режимах дан в: Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М., 1999. — С. 65 — 71.

²⁰ Россия регионов: трансформация политических режимов. — С. 57, 73, 345 — 346. Специфика советского пространства и его связь с постсоветским пространством интересно анализируется в: Каганский В. Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. Россия как предмет. — С. 91 — 130 (подход Каганского существенно расширяет рамки применения понятия «политический режим» на уровне региона за счет анализа региональной специфики в русле политической географии СССР и РФ). Детальный анализ «позднесоветского» режима как результата модернизационных процессов на уровне Иркутского региона не входит в задачу автора статьи, но тем не менее надо указать, что для Иркутской области характерен традиционный конфликт между «южным промышленным узлом» — мегаполис Иркутск — Ангарск — Шелехов — Усолье — и «северянками» — Братск — Усть-Илимск.

²¹ Надо отметить, что резкое обострение интереса к угольным ресурсам на фоне энергетического кризиса в ряде регионов, прежде всего в Приморье, и к предстоящей реструктуризацией РАО «ЕЭС России» сулит новые «войны интересов», впрочем, эта тема отдельного анализа.

²² Фурман Д. Чему быть, того не миновать // Общая газ. — 2000. — 21 — 27 дек. — № 51 (385).

²³ Фурман Д. Новые сосуды наполнило старое вино // Общая газ. — 2000. — 9 — 15 нояб. — № 45 (379).

²⁴ Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. — М., 1998. — С. 176 — 181.

Автор выражает признательность О.А. Вороницу (Иркутский государственный университет) за ряд предоставленных материалов, использованных при написании статьи.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
(РЕГИОНАЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ)**

Возрождение казачества как социокультурный феномен

Казачи, казачество... Какие ассоциации вызывают эти слова?

Образ лихого казака Григория Мелихова из шолоховского «Тихого Дона», атамана Степана Разина, первого Георгиевского кавалера Первой мировой войны К. Крючкова.

До сей поры четкого ответа, когда и как возникло казачество, нет. Как нет и единой точки зрения на происхождение самого термина «казак». Только В.Х. Казин в своей работе дает восемь возможных определений термина «казак». Тут монгольский вариант («ко» и «зять» — защитник границ) и скифский («казар»), турецкий, половецкий («страж», «передовой»). По мнению О.И. Сергеева, слово это тюркское и в переводе значит «страж»¹.

Подобная же ситуация с этническим определением казачества. Достаточно долго в русской историографии казаки определялись как потомки беглых крепостных крестьян, с чем категорично не соглашались историки-казаки, заявлявшие об этнической самостоятельности казачества. Сейчас большинство историков говорят об этнической самостоятельности казаков, расходясь лишь в частности. Так, Р. Скрынников определяет казаков как результат симбиоза беглых русских и татар, с преимущественным влиянием последних. Достаточно схожих взглядов придерживался и Л.Н. Гумилев, использовавший понятие «люди длинной воли»².

Все это позволяет идентифицировать казаков как этнос — сословие, профессионально ориентированное на военную службу и обладающее своеобразной культурой. Взаимоотно-

шения казачества и Российского государства складывались достаточно сложно. Если на первых этапах (XV — XVI вв.) казаки имели статус союзников-конфедератов, то в результате событий XVII — XVIII вв. они были включены непосредственно в состав Российского государства, потеряв политическую и экономическую самостоятельность, но сохранив при этом широкое самоуправление и собственную субкультуру (или, по А.Н. Гумилеву, «стереотип поведения»).

В мировой истории неоднократно предпринимались попытки создания военизированных поселений, где жители не только занимались хозяйством, но и несли военные повинности, — это и «граничары» (Балканы), и японские поселенцы на о. Хоккайдо, и китайские поселенцы в Уйгурии. Но только в России сложилось оригинальное историческое явление — этнос-сословие казаков.

Российское казачество заняло в империи своеобразное положение, составляя до 70% русской конницы в военное время, активно поддерживая существующую систему власти («...борьбу против врагов внешних и внутренних») и сохраняя при этом широкую автономию и экономические льготы (земельный надел до 30 десятин на казака, освобождение от податей)¹.

Октябрьскую революцию в большинстве своем казачество не приняло и не понимало, активно участвуя в борьбе с большевиками на юге страны, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Советская власть ответила «драконовскими» декретами января 1919 г. о поголовном «раскулачивании». В результате революции и Гражданской войны казачество как самостоятельная группа населения прекратила свое существование в России, хотя культура, традиции и быт свято сохранялись наряду с боевыми традициями (этим, кстати, воспользовался И.В. Сталин, возродив в годы Великой Отечественной войны донские и кубанские казачьи части).

Активное возрождение казачества началось в конце 1980-х гг. Формально началом этого движения можно считать сентябрь 1989 г., когда в Ростове-на-Дону возникло литературное товарищество «Шолоховский круг». Впоследствии оно струк-

турировалось во «Вседонской казачий круг»⁴. Подобные объединения были созданы на Урале и в Москве. Первоначально они имели статус историко-культурного общества, занимаясь изучением истории казачества и возрождением его культурных традиций. В отличие от корпораций других сословий (дворяне, купцы) возрожденные казачьи организации сумели не превратиться в небольшие закрытые кружки. Резко увеличив свою численность (особенно в конце 1980-х — начале 1990-х гг.), они стали играть значительную политическую и культурную роль в районах компактного проживания казачества. Особенно бурно происходил процесс консолидации казаков на Дону, Кубани и Тереке, где население сохранило традиционную казачью субкультуру. Уже в марте 1990 г. объявило о своем создании Всевеликое войско Донское, а 23 марта этого же года было оформлено создание Терского казачьего войска⁵.

Быстрое развитие казачьих организаций породило своеобразную эйфорию, и ряд лидеров казачьего движения сделали ставку на фактическое создание казачьей власти, которая подменяла органы местного самоуправления. Часто эти процессы сопровождались противоправными действиями (высылкой «инородцев»; порками правонарушителей и т. д.). Отдельно необходимо упомянуть о казачьем движении на Кавказе и в Казахстане, где имелся достаточно определенный образ врага. В этих районах казачье движение объединило большую часть активного «русскоязычного» населения, что привело к столкновениям с местным населением. Центральная власть самоустранилась от решения этих проблем. В результате начался процесс «выдавливания» казаков с территорий исконного проживания (Терская и Семиреченская область, Южный Урал). Казачьи войска на юге четко структурировались, сделав ставку не только на возрождение казачьей культуры, самоуправление и решение экономических проблем, но и на создание военизированных организаций для защиты от врагов, активную политическую деятельность и подчинение официальных властных структур.

В отличие от европейской части страны возрождение казачества в Сибири шло по другому сценарию. Казачьи территории Сибири (Забайкальское, Сибирское, Иркутское и Енисейское, Амурское, Уссурийское казачьи войска и Якутский городской полк) оказались разорванными между различными территориальными образованиями. Так, станицы Забайкальского войска входят в состав Республики Бурятия, Читинской области и Агинского автономного округа. Иркутские казаки проживают не только в Иркутской области, но и в Бурятии. Сибирское казачье войско имеет свои отделы в семи субъектах федерации.

Значительные потери понесло сибирское казачество в годы Гражданской войны. Часть казаков эмигрировала (только в русском районе Китая — Трехречье, проживало до 50 тыс. казаков). В годы сталинских репрессий была уничтожена значительная часть «красного» казачества. Да и в целом численность казаков в Сибири была значительно ниже по сравнению с другими районами.

Формальной датой возрождения Сибирского казачьего войска можно считать 4 августа 1990 г., когда в Омске был образован Союз Сибирских казаков, атаманом которого стал Сергей Смоляков⁶. 24 ноября 1990 г. в Чите состоялся Большой Учредительный круг общественной организации «Забайкальское казачье войско». На нем присутствовало 162 делегата, представлявших более 3 тыс. забайкальских казаков из Читинской области, Бурятии и Агинского округа. Власть достаточно жестко контролировала возрождение казачества, так, из первых руководителей ЗКВ большинство были кадровыми генералами КГБ. Первым атаманом стал подполковник пограничных войск КГБ Г.В. Кочетов, а его заместителем — походным атаманом — подполковник А.П. Большаков⁷.

Основными требованиями казаков стало возрождение традиционного казачьего землевладения, создание особых казачьих частей в составе армии и пограничных войск. Политический состав казаков был достаточно пестрым. Интересно было видеть, когда коммунист, офицер КГБ атаман Г. Кочетов

провозгласил на закрытии круга: «Да поможет нам Бог!» Радостные прогнозы о том, что в течение года-двух численность ЗКВ достигнет 50 тыс., так и остались мечтаниями (современная численность — около 5 тыс.).

События 1991 г. привели к расколу в стане казаков на «красных» и «белых»; причем формально возникли параллельные структуры в центре и на местах. Часть руководителей казаков поддержала ГКЧП. Союз казачьих войск России выступил против. В обороне Белого дома приняла участие особая сотня генерала Дорохова под командованием А. Максимова. Исходя из лозунга Б.Н. Ельцина о самоопределении II Большой круг Всевеликого войска Донского принял решение о восстановлении Донской республики⁸.

Подобные политические игры и раскол казачества привели к тому, что начался активный отток из казачьих организаций. Кризис казачества и особенно попытка создать «реестровые войска» (что означало попытку придания казакам статуса служащих) привели к тому, что сейчас, например, на территории Иркутской области параллельно существуют две казачьих организации — «реестровое» Иркутское казачье войско и общественная организация — Иркутское казачье войско под руководством казачьего полковника Н.М. Меринова.

Уместен вопрос — есть ли у современного казачества будущее? Вопрос достаточно сложный, и однозначно на него ответить невозможно. Пессимисты отказывают казачеству в будущем, считая, что со временем казачье движение выродится в «костюмированный маскарад»; оптимисты отвечают, что у казаков есть великое будущее. Автор принадлежит к оптимистам. Конечно, невозможно вернуться в старое доброе прошлое — в патриархальность, столь талантливо описанную М. Шолоховым в «Тихом Доне» или Балабиным в «Забайкальцах». Но определенные перспективы у казачьего движения есть, причем не только политические, культурные, но и военные.

Современное экономическое состояние России привело к тому, что страна не в состоянии содержать крупные вооружен-

ные силы. В то же время геополитическое положение России отнюдь не улучшилось, скорее, наоборот, резко ухудшилось (южная граница, особенно на Кавказе и т. д.). В настоящее время десять подразделений армии и ФПС укомплектовываются казаками, но в большинстве своем это чистая формальность. Ситуация требует создания своеобразного «санитарного кордона». Использование в этих целях частей Министерства обороны и МВД малопродуктивно. Опора же на военизированные формирования из местных жителей более целесообразна. Во-первых, эти люди прекрасно осознают, что они защищают; во-вторых, в районах компактного проживания казачества сохранились довольно устойчивые традиции. Первые подвижки в этом деле уже есть. Блестяще показал себя во время первой чеченской кампании казачий батальон имени генерала Ермолова, уничтоживший в бою личную гвардию Дж. Дудаева.

Важной сферой приложения сил современного казачества (в том числе и в Сибири) является активное использование казачьих структур для охраны государственной границы. Это, во-первых, экономически целесообразно для государства (значительно легче оплатить службу местного жителя-казака, нежели содержать заставу из военнослужащих срочной службы), во-вторых, местные жители прекрасно знают местность, что для охраны границы не менее важно. Пробные эксперименты уже проводились, это — формирование казаками застав и пограничных отрядов. В перспективе возможно создание казачьих полков для невойсковой охраны государственной границы (подобная попытка была предпринята в ЗКВ, где создан особый Верхне-Удинский пограничный казачий полк)⁹.

Одной из важнейших задач возрожденного казачества является культурно-просветительская. Ведь казак — это не только служба и форма, но и своеобразная культура. В настоящий момент в Восточной Сибири в этнографических музеях Иркутска и Улан-Удэ действуют постоянные экспозиции, посвященные культуре, быту и истории казачества в Сибири. Уже существуют особые казачьи учебные заведения. В Иркутске

создан детский казачий хор; в Омске действует взрослый казачий хор. К сожалению, большинство мероприятий культурно-просветительского плана держится на голом энтузиазме создателей.

Федеральная целевая программа государственной поддержки казачества от 21 июля 1999 г., предусматривающая финансирование и поддержку казачьих учебных заведений, мероприятий по возрождению и развитию культурного наследия казачества, создание особых казачьих поселений, существует только на бумаге. Предусмотренное ею финансирование (почти 1,5 млрд рублей на 2000 — 2001 гг.) почти не выделяется¹⁰.

Хочется верить, что это только временные трудности и казачье движение сможет их преодолеть, найдя свое место в политической, экономической, военной и культурной жизни современного Российского государства.

¹ Казин В.Х. Казачьи войска. — СПб., 1912; Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке. — М., 1983.

² Гумилев А.Н. От Руси к России. — М., 1992; Яковенко И. Подвижен, отчаян, храбр // Родина. — 1993. — № 10; Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — Новосибирск, 1980.

³ Казачий словарь-справочник (репринтное издание). — Сан-Анселм, 1970.

⁴ 10 лет возрождения (хроника) // Казаки России. — 1999. — № 2. — С. 27.

⁵ Там же. — С. 27 — 29.

⁶ Там же. — С. 29.

⁷ Круг состоялся // Забайкальское село. — 1990. — № 20. — С. 4.

⁸ 10 лет возрождения (хроника). — С. 36.

⁹ Проект федерального закона «О российском казачестве». — СПб., 1999. — С. 7 — 9.

¹⁰ Федеральная программа государственной поддержки казачьих обществ. — СПб., 1999. — С. 27 — 30.

*Н.Г. Галеткина (пресс-секретарь Апостольского администрато-
ра Восточной Сибири епископа Ежи Мазура)*

К вопросу о групповой идентичности современных жителей польской переселенческой деревни

В ходе осуществления столыпинской аграрной реформы в Иркутскую губернию в 1910-х гг. прибыло множество переселенцев различной этнической и конфессиональной принадлежности. Среди них были предки сегодняшних жителей Вершины — деревни, находящейся в 120 км от г. Иркутска в Боханском районе Иркутской области. Основатели Вершины приехали на переселенческий участок в 1910 г. из Привисленского горнопромышленного района, из Келецкой и Петроковской губерний Царства Польского¹.

Вскоре по приезде они стали представлять сплоченный социальный организм, в котором наряду с индивидуальными представлениями и приоритетами существовало нечто общее, что было присуще жителю деревни именно как члену данной группы. Это разделяемое всеми представление о своей общности и единстве мы называем групповой идентичностью. В ее основе лежало осознание своего польского происхождения, а также католическое вероисповедание. Конфессиональная принадлежность тесно переплеталась с этнической, что позволяло называть эту общность этноконфессиональной.

В процессе адаптации к новым условиям жизни, под влиянием многочисленных внешних и внутренних факторов идентичность группы не могла не подвергнуться трансформации. Чем она характеризуется сегодня, что стоит за чувством при-

надлежности к своей группе? Эти вопросы стояли в центре нашего интереса при проведении полевых исследований в деревне в 1999 — 2000 гг.²

Логично предположить, что раз мы рассматриваем общность, появившуюся на данной территории именно как этноконфессиональная, то и в групповой идентичности сегодняшних ее членов этническая и религиозная составляющие также должны присутствовать. При этом в разговоре об этнической идентичности мы отталкиваемся прежде всего от самоидентификации ее членов — от того, как они сами определяют себя в этнических категориях и каким образом они формулируют границы данной общности. Не вдаваясь в описание дискуссии, существующей по этим вопросам в научной литературе, отметим только, что по вопросу природы этничности нам представляется более близкой позиция В. Тишкова. Она выражена, в частности, в одной из его работ, где он пишет: «...разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к общности, или идентичность, а также возникающая на ее основе солидарность» и составляют «суть этих общностей», что не сам по себе признак (будь то единство происхождения или общая история), а субъективное представление о нем является определяющим в существовании этнической общности³.

Прежде чем перейти к разговору о групповой идентичности вершининцев, следует пояснить, какую часть от общего количества жителей сегодняшней Вершины составляют те, кто определяет себя поляками, потомками первых поселенцев. Ответ на этот вопрос дает анализ хозяйственных книг, в которых помимо характеристики хозяйств приводятся сведения о составе семьи с записью национальности⁴. Опросы показали, что указание национальности в хозяйственной книге, запись национальности в паспорте и этническая самоидентификация жителей практически полностью совпадают. Подсчитав, какой процент от общего числа составляют семьи, образованные представителями данной переселенческой группы («свои»), сколько в деревне «пришлых» семей и сколько «смешанных», где один из супругов — «свой», мы получили следующую картину.

«Свои»	«Соседи»	«Пришлые»
48%	34% (27% — пол.-рус., 3% — пол.-укр., 2% — пол.-белорус. и пол.-белосибирские)	18% (13% — русские, 2% — бурятские, 2% — рус.-укр., 1% — укр.-литов. и рус.-татар.)

В данном случае использованы цифры за 1997 — 1999 гг. по всем трем составным частям поселения: собственно Вершины, а также Нашате и Хонзюю. Из 80 польских семей, являющихся 48% от общего числа семей, преобладающая часть — 52 семьи, проживает в Вершине, остальные 28 семей — в Нашате.

Обращаясь к потомкам первых поселенцев с вопросом: «Кто вы по национальности?», мы неизменно получали ответ: «Поляки». В ходе дальнейших расспросов выяснялось, что их польская идентичность строится на знании своего происхождения («родители и деды были поляками, значит, и мы тоже») и на языке. Именно эти два критерия образуют границы общности, к которой относят себя жители Вершины, когда говорят о себе как о поляках. Более развернутая картина в разговорах не выстраивалась.

Следует также отметить, что без специальных наводящих вопросов разговор не шел в этнических категориях. Сложилось впечатление, что национальность не входит в разряд проблем, имеющих насущное значение в повседневной жизни жителей деревни. Люди не живут с раздумьями — кто они и что они должны делать, чтобы сохранить себя как представителей польского этноса. Проблемы денег, работы, пьянства представляются более важными и существенными, именно о них заходит речь прежде всего. Однако такое «невнимание» к этничности не говорит о ее утрате или маргинальности. Стоило в разговоре дойти до обсуждения вопроса анкеты о гипотетической смене записи национальности в паспорте, так возникала одинаковая реакция: «Зачем?! Почему я должен записываться кем-то еще, если я — поляк?» Тот факт, что они — поляки, осознается как данность, как нечто само собой разумеющееся. Вероятно, если бы возникла реальная угроза насильственного исчезновения этой этнической составляющей их идентичности, то тогда бы «национальный» вопрос также

вошел в число насущных и важных, а до тех пор пока такой угрозы нет — существуют более важные повседневные проблемы.

То есть можно сказать, что в групповой идентичности сегодняшних жителей Вершины этническая составляющая («мы — поляки») занимает прочное место, хотя и не входит в разряд вопросов, по поводу которых происходит постоянная рефлексия.

Интересно также отметить те изменения в поведении людей, происшедшие в последние годы, которые отражают изменение отношения к этническому в обществе в целом. Во времена господства единой идеологии «национальный вопрос» существовал лишь применительно к прошлому, обсуждение этой темы граничило в сознании с национализмом в его обыденном понимании и потому рассуждать о том, кто ты — русский, поляк или татарин, было «как-то неудобно». В 1990-е гг. стали появляться новые ориентиры, усилился интерес к тому, что раньше стояло в тени понятия «советский народ», на первый план вышли ценности групповые, обусловленные осознанием своей принадлежности к отдельной общности. Этничность стала постепенно входить в ряд понятий, размышление над которыми воспринимается как нормальное явление. Жители Вершины сегодня гораздо спокойнее и откровеннее обсуждают эти вопросы. Приведем в качестве иллюстрации небольшой фрагмент разговора, состоявшегося в мае 1999 г.:

— Мы почему-то стеснялись раньше того, что мы — поляки. Почему-то боялись, что вдруг подумают, что мы — иностранцы, вот было такое. А сейчас наоборот, гордимся, что мы — поляки. Это недавно произошло — такой переход. Лет, может, десять назад. А так-то тоже... И разговаривать по-польски среди русских было боязно. Всё боялись. Сейчас наоборот.

— Может быть, это еще из-за того произошло, что многие люди приезжают сюда и вы видите их интерес к себе именно как к полякам?

— Да, да.

Вопрос о приезжающих был задан не случайно. С конца 1980-х гг. визиты польских журналистов, историков, студентов, официальных делегаций стали приметой жизни деревни. И думается, этот фактор сыграл свою роль в актуализации польской идентичности вершининских жителей. Одно то, что гости из Польши каждый раз расспрашивают об истории переселения и о польских корнях, не может не сделать образ прошлого, связанного с Польшей, более зримым. *«Сейчас они больше знают о своих предках, чем раньше. Все спрашивают — приходится рассказывать снова и снова»* (из разговора с жительницей Вершины).

Это был многосторонний процесс. Здесь присутствовал и интерес со стороны польских поляков. И заинтересованность местных властей в том, что есть такая деревня, куда можно отвести польских гостей, особенно во время ежегодных Дней польской культуры в Иркутске. И конечно, интерес самих вершининцев. Каждый приезжающий из Польши был для них еще одной ниточкой, связывающей с родиной предков. Конкретным выражением этого многостороннего интереса стали и реставрация, а затем открытие в декабре 1992 г. костела в Вершине, и введение польского языка в школьную программу.

Вряд ли ко всему этому подходит термин «национально-культурное возрождение», также ставший распространенным в это время в целом по стране. Но «национально-культурное оживление» было налицо.

Чуть подробнее хотелось бы остановиться на языковой ситуации в деревне, так как именно язык является одним из главных критериев самоидентификации и нередко выступает в качестве исходного пункта осознания этничности вообще. Две информантки различного возраста (48 и 26 лет) практически одинаково ответили на вопрос — был ли в их жизни момент, когда они вдруг почувствовали и осознали, что они — поляки.

«Было такое, — рассказывает молодая женщина. — Это произошло, когда я услышала другую речь — не такую, как мы говорили дома. Почему я не так говорю, как они? Я до этого и не знала, что говорю по-польски». Женщина постарше, 1950 г. рождения: *«Такое было, когда мы пошли в школу. Мы же по-*

руски вообще не разговаривали, между собой всё по-польски, а тут пришли в школу — а там все по-русски говорят, не так как мы». Встреча с «другим», «чужим» языком оказалась для них неожиданностью и послужила отправной точкой для саморефлексии.

Сегодня польский язык остается живым и непосредственным средством общения, но степень его употребления неодинакова для всех жителей деревни. Те из них, кто считает себя поляками, владеют польским в устной активной форме — они не только понимают польскую речь, но и сами говорят на польском. Однако частота употребления различается в зависимости от этнического состава семьи. Там, где оба супруга — поляки, и родители между собой, и дети с родителями говорят по-польски. В смешанных же семьях чаще всего переходят на русский, причем независимо от того — польско-русская это семья или, скажем, польско-украинская или польско-татарская. Но при этом не поляки в таких семьях нередко хорошо понимают польский. Так же и их дети — разговаривая между собой по-русски, они приходят в гости к польским бабушке и дедушке и легко понимают их, а порой и сами переходят на польский язык. Общаясь с друзьями, коллегами, знакомыми, поляки старшего и среднего поколения безусловно отдают предпочтение польскому языку, если в разговоре участвуют только поляки. При появлении людей другой национальности они переходят на русский. Однако молодежь 15–20 лет, а также дети, по некоторым оценкам, частенько и между собой употребляют русский язык.

Таким образом, можно говорить об активном двуязычии, когда переход с русского на польский и обратно осуществляется совершенно легко и незаметно.

Что касается непольских семей (русских, бурятских, русско-украинских и пр.), то здесь говорят по-русски. Однако и они нередко понимают польский язык.

В отношении владения письменным польским ситуация иная. Писать и читать по-польски могут в основном дети школьного возраста. В более старшем поколении эти навыки ограничены. И это не удивительно, ведь с конца 1930-х до на-

чала 1990-х гг. польский был исключен из школьной программы, литературы на польском практически не было. Уроки польского языка возобновились в Вершининской начальной школе в 1991 г. Кроме того, сейчас у вершининской молодежи есть дополнительный стимул для овладения польской грамотой в виде реальной возможности обучения в польских вузах.

Польский язык в Вершине отличается от современного литературного польского языка. По оценкам польского этнографа и социоантрополога С. Шинкевича, а также по словам польских журналистов и членов официальной польской делегации, этот язык представляет собой диалект, который до сих пор можно встретить именно в тех районах Польши, откуда прибыли переселенцы. Несмотря на многочисленные заимствования из русского языка, они оценивают речь жителей Вершины как безусловно польскую.

Как уже говорилось, по приезду переселенцев в Сибирь этническая и конфессиональная составляющие их идентичности были тесно переплетены между собой. Сохраняется ли это сегодня? Обратимся к чуть более ранним сведениям. Согласно отчету иркутских социологов, проводивших исследование в 1990 г., 69% жителей Вершины ответили положительно на вопрос, нужен ли в деревне костел, и 31% уклонились от ответа. При этом на вопрос: «Оказывает ли религия влияние на жизнь и если оказывает, то какое?» 63% затруднились ответить, 16% ответили, что не оказывает никакого влияния, 5% считали, что оказывает отрицательное влияние и 16% считали, что религия оказывает положительное влияние на жизнь⁵. Таким образом, ясно, что 69% высказавшихся за восстановление костела не видели в этом только лишь религиозный смысл. Скорее, для многих костел являлся символом общности, принадлежности к конкретной культурной традиции. Он выступал своего рода внешним знаком принадлежности к этой традиции, а не собственно местом религиозной службы.

Во время исследований в 1994 г. казалось, что костел становится таким общественным центром Вершины, однако сегодня видно, что этого не произошло. Число посещающих богослужения, по сравнению с первыми годами после открытия

храма, уменьшилось. Некоторые жители старшего поколения не ходят на службы, мотивируя это тем, что раз уж они прожили всю жизнь как атеисты, то демонстрировать сегодня «возрождение» своей набожности как-то и неудобно, даже если они «во что-то в душе верят». Многие также говорят о том, что в душе они веруют, молитвы знают, но вот в костел не ходят, потому что или времени нет, или желания. Среди тех, кто посещает богослужения более или менее регулярно, есть люди как старшего возраста, так и представители среднего (40 — 50 лет) и молодого (20 — 30 лет) поколения, а также дети.

Таким образом, тот симбиоз этнического и конфессионального, который существовал в групповой идентичности первых поселенцев Вершины, сегодня присутствует, но не является обязательным. Возникло представление, что можно ощущать себя поляком, не будучи католиком. Иногда при этом конфессиональная принадлежность вытесняется в идеальный образ своей группы. То есть появляется некое представление — каким должен быть «настоящий поляк», в котором как обязательный элемент существует католическое вероисповедание. Утрата же религиозной традиции воспринимается как ущербность собственного образа.

Этническая и религиозная составляющие не исчерпывают всего содержания групповой идентичности современных жителей Вершины. В значительной степени в ней выражена другая, обусловленная ощущением себя деревенскими жителями. Во многом жителей Вершины объединяет именно повседневная сельская жизнь со своими отличиями от городских проблемами, правилами, представлениями. То есть, условно выделяя различные составляющие этого образа, можно обозначить одну из них как «мы — сельяне».

При этом обобщенном образе «сельянина» очень явно присутствует ощущение принадлежности к общности жителей конкретной деревни — Вершины. О том, что эта локальная идентичность очень сильна, свидетельствуют как материалы свободных бесед, так и ответы на вопросы стандартизированного интервью и анкеты. Из предложенных ответов на вопрос: «Что Вы считаете родиной» однозначно выбиралась своя де-

ревня (другие ответы — Сибирь, Россия, бывший СССР, Польша), а из предлагаемых идентификаций («я — житель России», «я — сибиряк», «я — католик» и т. д.) как наиболее значимые отмечались «я — житель Вершины» и «я — поляк». Во время работы в деревне в 1994 г. и в ходе полевых исследований в мае 1999 г. вопрос о возможности обучения или даже жизни в Польше не раз возникал во время наших бесед, и в большинстве случаев ответ был отрицательным. При явном любопытстве, желании съездить на историческую родину практически никто не выражал желания жить там. «*Съездить посмотреть — это да, хотелось бы, постоянно жить там — нет, мы здесь выросли, здесь всё родное, мы хотим жить здесь*». На вопрос: «А кто же Вы больше — поляки или сибиряки» многие отвечали — «сибирские поляки» или «польские сибиряки». Этническая и географическая характеристики таким образом слились в их самоопределении.

Подытоживая, можно сказать, что групповая идентичность сегодняшних потомков первых поселенцев Вершины включает в себя несколько составляющих, которые не находятся в какой-то определенной иерархии. Нельзя сказать, что стоит на первом месте, что — на втором и т. д. В различных ситуациях какие-то из них приобретают большее значение, какие-то — меньшее. Так, в повседневном существовании в рамках своей общности этническая идентичность может существовать как бы в «дремлющем» состоянии, но «просыпаться» в моменты встречи с «чужими», особенно если со стороны последних активно ставятся вопросы, будирующие эту тему. Этническая и религиозная принадлежность не составляет всей картины групповой идентичности рассматриваемой общности. Однако эти составляющие не определяли полностью идентичность переселенцев по приезду. Помимо осознания себя членом этноконфессиональной группы приехавшие, вероятно, в значительной степени ощущали себя членами группы переселенцев, т. е. людей, которые сдвинулись с места, отправились в путь и теперь должны решать массу проблем, обусловленных именно фактом переселения. Сейчас эта составляющая в идентичности современных жителей деревень не присутствует. «Пе-

реселенцы» остались в прошлом. Есть память о том, что их отцы и деды когда-то приехали сюда, но сами они уже «сибиряки» — как по формальному признаку — родились и выросли в Сибири, так и по эмоциональной привязанности к данному месту. Региональная и в большей степени локальная идентичность заменила собой ту составляющую, что была обусловлена статусом (как в экономическом, так и в социально-психологическом смысле) переселенца.

¹ Подробнее об истории переселения и образования Вершины см.: Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вести. Евразии (М.). — 1996. — №1 (2). — С. 62 — 77; Она же. Католики — переселенцы в Иркутской губернии во времена Столыпинской аграрной реформы (по материалам ГАИО и РГИА) // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. — Иркутск, 1994.

² Материалы полевых исследований — аудиопленки с записями бесед, интервью, а также результаты анкетирования и опросов — находятся в архиве автора.

³ Тишков В. Идентичность и культурные границы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. ст. /Под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова и А. Малащенко. — М.: Московский Центр Карнеги, 1997.

⁴ Похозяйственные книги за 1997 — 1999 гг. были предоставлены для работы Шарладаевской сельской администрацией.

⁵ Отчет по социологическому исследованию «Образ жизни населения Усть-Ордынского бурятского автономного округа» // Архив Лаборатории социологических исследований Иркутского государственного университета.

М.В. Рагулина (Институт географии Сибирского отделения РАН)

Категории «субъективности» в полиэтничном регионе: культурно-географический взгляд

Значение субъективных факторов в пространственном взаимодействии состоит в том, что они влияют на основы мотивации поведения людей, а конкретные поступки порождают вполне объективные последствия. Поэтому целесообразно выделить ключевые категории «субъективности» в культурной географии и затем рассмотреть их в сравнительном аспекте для основных этнокультурных традиций изучаемого средне-сибирского региона.

Этногеографическая специфика полиэтнического региона

Этногеографическое взаимодействие субъективных пространственно-временных моделей и сложнейший процесс взаимодействия хозяйственных и культурных систем полиэтничного региона, их характеристика из-за постановочного характера статьи и огромного объема фактического материала, который просто невозможно здесь привести, излагаются в сжатом, тезисном виде.

С чем же приходится сталкиваться исследователю, затронувшему современные этнические проблемы, особенно в близких к традиционным обществам? Прежде всего это сложный клубок взаимосвязей с территорией обитания: конфликт между ее образом, донесенным исторической памятью или мифом, что почти неразличимо за давностью времен, и теперешним,

постсоветским положением, между территориальными притязаниями разных этнических субъектов, между взаимоотношениями с природой и хозяйством в прошлом и трансформированной в годы коллективизации, застоя и перестройки системой жизнеобеспечения наших дней.

Наиболее сложной является разработка концепции территории традиционного природопользования. Помимо привычных противоречий между традиционным и индустриальным освоением, потенциальным источником возможных трудностей является сама полиэтничность: в пределах одного ареала реализуются культурные и хозяйственные интересы коренного малочисленного, славянского старожильского и также коренного населения иных национальностей. Следующее возможное препятствие — неоднозначность толкования понятия «этническая территория», рассогласованность не только в среде ученых, но и на уровне обыденного сознания людей; ситуация, когда, употребляя один термин, вкладывают в него различное содержание.

Мы столкнулись с этим явлением в начале 1990-х гг., работая среди Каларской группы эвенков. Перестройка стимулировала всплеск общественной активности: в Ассоциацию малочисленных народов Севера подавалось множество заявлений с требованием скорейшего возрождения «родовых угодий». Однако в личной беседе неожиданно выяснилось, что информация о доколхозном периоде «владения» этими угодьями и ведении кочевого хозяйства почти полностью стерта из социальной памяти. Более того, зачастую отсутствовали возможности освоения желаемых ареалов: в семье недостаточно трудоспособных членов либо она неполная, а иногда откровенно социально неблагополучная.

Сходные процессы отмечены докторантом Д. Д. Мангатаевым (устное сообщение): по данным проведенного ею исследования Северобайкальской группы эвенков, около 90% респондентов связывают возрождение своего народа с возвращением к исконным хозяйственным занятиям на «родовых территориях», но лишь 25 — 30% согласны заниматься охотой и оленеводством.

Тофы, опрошенные нами, на вопрос о докольном прошлом часто отвечали: «у деда было 100 голов оленей, кочевали семьей с юртой». При этом сами информаторы, как правило, прекрасно знали природные условия своих хозяйственных ареалов, которые по кормовым ресурсам жестко лимитируют поголовье оленей: полноценно кочевать и охотиться с таким стадом маловероятно, а многотысячное поголовье в горной тайге Тофаларии (рассчитанное простым суммированием в случаях типичного ответа) — очевидный плод фантазии.

Как интерпретировать эту ситуацию? Вероятно, необходимо развести понятия «этническая территория» и «образ этнической территории». Последний — достояние коллективного сознания, реакция на грубое и бесцеремонное вмешательство в сложно организованную, соразмерную природным ритмам жизнь малочисленного этноса. Следует отметить, что образ этнической территории, невзирая на адекватность существующим условиям, — важнейший источник живой информации, нуждающейся в своевременной научной интеграции. Уместна параллель между образом этнической территории и гумилевским пониманием «месторазвития» — образа исторической родины, который накладывает свой отпечаток на всю последующую жизнь этноса.

Однако при изучении этнотерриториальной тематики опора исключительно на данные опросов ведет к значительным искажениям, поскольку разрывы в потоке передачи межпоколенных традиций очень велики, что требует глубокой и критической научной проработки.

В прикладном аспекте имеются пока немногочисленные научно-практические разработки по выделению территорий этнического природопользования. В наиболее типичном случае, к примеру, в работе «Традиционное природопользование эвенков (обоснование территорий в Читинской области)», где сформулированы основные принципы такого выделения — положения о многоцелевом использовании потенциала территории, равноценности всех типов природопользования, ориентации на использование возобновляемых природных ресур-

сов, обеспечивающих устойчивое развитие и совместимости типов природопользования, главным критерием организации этнических территорий авторы считают наличие природно-ресурсного потенциала жизнеобеспечения локальных групп малочисленных народов, фактически не затрагивая мощного этнокультурного пласта традиций обживания пространства на микроареальном и локальном уровнях¹. Зачастую это обстоятельство объясняет кажущуюся нелогичность некоторых сторон аборигенного природопользования, что ярко проявлялось у Б.Э. Петри: «умудриться... голодать в то время, когда реки кишат рыбой... может только карагас, среди своего традиционного уклада, сложившегося задолго до прихода русских»². Из этнографических источников известно, что внутри этнических ареалов малочисленных северных народов существовали своеобразные «резерваты» культового назначения, где восстанавливалась нарушенная хозяйственной деятельностью растительность и промысловая фауна; этот факт подтвержден нашими полевыми материалами по природопользованию эвенков и тофов³.

Разрешение проблем подобного характера возможно при условии конструктивного сотрудничества этнологии и географии; при выделении этнической территории как основного условия для существования этнического природопользования и культурного своеобразия народа следует учитывать мощное влияние субъективных факторов, сложившихся как в этногенетических глубинах развития, так и под влиянием межэтнического взаимодействия, аккумуляции и насильственной трансформации в советский период.

Эту проблему довольно точно отражает метафорическая мысль Б.М. Ишмуратова о том, что район есть «общее тело» истории и географии⁴. Так, конкретная территория преломляет не только исторические и географические, но и социально-культурные векторы развития. Сделав такое допущение и мысленно синхронизировав разные временные отрезки, получим любопытный гипотетический процесс, где один и тот же таксон природного мира является родной землей не толь-

ко для разных народов, живших здесь, но и для совершенно несхожих друг с другом цивилизаций, в несколько волн прокатившихся по одному и тому же и ныне полиэтничному региону. В этом случае существует множество субъективных этнических образов Вселенной, «разделяемых реальностей» этносов в одном и том же, меняющемся, но гораздо более медленными темпами природном мире.

Прибайкалье в историческом прошлом отличалось сложностью и пестротой этногенетических процессов. Специфика исследуемого региона в его «стыковом» положении; он охватывает переходную полосу между тайгой и азиатскими сухими степями. Это горные и равнинные темно- и светлохвойные леса в сочетании с болотами, тундрами, островными лесостепями; мозаика ландшафтов создает специфическое сочетание широтных подзон и высотных поясов.

В этнокультурном отношении на протяжении последних более чем трех столетий это ареал взаимодействия тунгусского, таяжного тюркского, лесостепного и водораздельно-таяжного славянского и периферии монгольских миров. Поэтому синхронный срез выявляет не только полиэтничную ситуацию, но и стык четырех великих культурных традиций: славянско-земледельческой (христианской), монголо-бурятской скотоводческой (буддийско-шаманской), тюркской и тунгусской охотничье-оленоводческой (анимистически-шаманской). Такое деление весьма условно: есть множество переходных вариантов, грани культурно-конфессиональных групп нечетки и размыты — многие последователи христианства и буддизма в быту отправляют шаманские обряды, и наоборот.

Каждый без исключения из живших и живущих здесь народов интегрирует и инкорпорирует в своем культурном облике какие-либо стороны своей природной и социокультурной среды, формируя уникальные образы человека, времени и пространства и «кодекс» взаимоотношений между ними.

1. Образы пространства и типология территорий

Формирование образа пространства тесно связано с типом культуры и спецификой пространственных потребностей группы. Так, само определение феномена территориальности и пространственных потребностей «человека вообще», данное Д. Голдом, служит своеобразным примером американской ментальности. Территориальность понимается как «широкий по содержанию термин, обозначающий мотивированные познавательные и поведенческие структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его среде обитания, на которую он предъявляет право собственности и которой он один или с другими людьми пользуется по преимуществу частным образом»⁵. Пространственные потребности, в свою очередь, должны удовлетворять критериям приватности, недопущения посторонних. Поэтому указанный исследователь, говоря о специфических пространственных потребностях человеческой группы и индивидуума в отдельности, применяет понятие территориальности к микропространствам. Однако то, что типично для постиндустриальных обществ, вряд ли справедливо для традиционных. В русле этого направления Лаймоном и Скоттом в 1967 г. разработана классификация, в основу которой положено понятие этоцентрического пространства, а сами пространства выстраиваются в последовательный ряд от внутренних (умозрительных) пространств, от пространства человеческого тела до любых общественных территорий⁶. Здесь присутствует соединение ментального и реального; в этом — как сила, так и слабость данного подхода.

Для целей нашего исследования наиболее пригодна типология, предложенная Альтманом (1975), который классифицировал пространства по таким признакам, как значение в жизни человека, уровень личной причастности, устойчивость во времени⁷. Им выделено три типа территорий: основные, вторичные и общественные.

Основные территории играют наибольшую роль в жизни их хозяев, с этими территориями последние обнаруживают наиболее постоянную и тесную эмоциональную связь. Примером такого пространства является дом.

Вторичные территории более открыты, а уровень отождествления индивида или группы с ними меньше. В урбанизированной западной культуре это может быть ряд пространств: от таких объектов, как здания общественного назначения — школы, больницы, магазины, — до территорий, непосредственно окружающих дом.

Общественные территории отличает временный характер, они могут использоваться любым человеком, демонстрирующим свое терпимое отношение к существующим правилам и нормам.

Данная типология до сих пор была рабочим инструментом при исследовании пространств города в экономически развитых странах. Достоинство ее, по мнению Д. Голда, заключается в том, что в ней рассматривается спектр ситуаций, к которым применимо понятие территориальности, учитываются разные способы организации пространственной среды⁴. Далее мы попытаемся применить этот методический инструментарий к совершенно новой для него сфере: исследованию формирования образа пространства и пространственного поведения в близких к традиционным и в трансформированных традиционных, «технологизированных» культурных и субкультурных группах.

Следующее важное положение — оценочный аспект образа территории. В любой этнической культуре за определенными ландшафтами закреплены облики «друга» и «врага», один и тот же таксон природного мира может эмоционально полагаться родным и прекрасным либо угрожающим и полным опасностей. Таковы «дремучие леса и высокие горы» — обиталище нечистых сил в русских сказках, и «радостная тайга, счастливая тайга» эвенкийского фольклора. Эти представления, обладая существенной долей консерватизма, все же не являются застывшими и раз и навсегда определенными. Наиболее интересна их динамика на примере изучаемого региона, когда часть русского этноса, переселяясь в непривычный и чуждый по природным условиям район и попадая в этнокультурную среду с диаметрально противоположной интерпретацией пространства, чтобы

успешно жить и развиваться на новой родине, была вынуждена менять свои стереотипы.

Ключевой постулат, с которым солидарно большинство ведущих зарубежных гуманитарных географов, состоит в том, что образы пространства строятся из имеющихся у людей наборов представлений и убеждений, а также характера понимания ими сущности человека, природы и «правильных» взаимоотношений между ними. По нашему мнению, важнейшую роль при этом играет этническое природопользование. В итоге образ пространства — метафорическое зеркало и самой культурной группы, и ее этноприродных связей.

2. Образы и структура времени

Представление о времени является важнейшим принципом, организующим человеческую деятельность, именно поэтому мы посчитали необходимым коснуться этой категории в этногеографическом контексте.

Если образ пространства «локализует», укореняет и эмоционально окрашивает жизнь, то образ времени задает ее ритм, порядок действий и их направленность.

Понятие линейного течения (сам смысл течения уже включает в себе направленное движение) времени и деления его на прошлое, настоящее, будущее настолько прочно вошли в обиход, что мыслятся сами собой разумеющимися и единственно верными; однако это не аксиома, а культурно обусловленная категория, наследие европейско-христианской традиции. Убедительный пример приводит американский антрополог К. Клакхон: «...люди, изучающие древнегреческий язык, нередко приходят в замешательство от того, что слово «*орисо*» иногда значит «*позади*», а иногда — «*в будущем*». Носители английского находят это затруднительным, поскольку они привыкли представлять себя движущимися во времени. Греки, однако, считали себя неподвижными, а время — надвигающимся сзади, догоняющим человека и, наконец, уходящим в «прошлое», лежащее перед его глазами». Действительно, даже при поверхностном знакомстве с древнегреческой литературой ощущается ее глубокая укорененность в традиции: обилие ссы-

лок и реминисценций из трудов «великих древних», бережная преемственность — вот черты ориентированной в прошлое культуры.

Исламская модель времени, особенно в арабском мире, рассматривает как единственную реальность лишь настоящий момент. Согласно этому мироощущению, будущее может быть известно Богу и пророкам, но не простому смертному.

Крайним, доходящим до гротеска выражением «заороженности» будущим обладала советская культура, в этом отношении впитавшая фундаменталистскую эсхатологию. Модель жизни ради иллюзорного светлого грядущего, не замечающая ни прошлого, ни настоящего, настолько глубоко проникла из области официально одобряемых стереотипов в индивидуальны мир личности, что причиняет ей немалые страдания, обедняя бытие и создавая обширный фронт работ психологам и психотерапевтам.

Циклическая структура времени типична для многих доиндустриальных обществ. В этом времени, аналогично природным циклам, будущее видится как повторение того, что уже было в прошлом. «Настоящее мгновение является центром непрерывно повторяющегося потока событий, которые уже происходили и будут происходить в будущем. Изменения — это мелкие события на фоне общего постоянства... поскольку дни, времена года и даже целые жизни снова и снова возвращаются, то, с точки зрения хопи (североамериканского индейского племени. — М. Р.), время нигде не убегает: то, что не было завершено в сегодняшнем суточном круте, может быть завершено завтра; если не в этом году, так в следующем, если не в этой жизни, то в другой»¹⁰.

Основная качественная характеристика этой модели — с настроенность ритмам и специфике этнического природопользования, а в более широкой трактовке — гармонизация ритмов человека и природного мира. Поэтому циклическое время имеет свои специфические отличия в зависимости от ландшафтных условий и хозяйственной деятельности народа.

Восприятие времени, закрепленное в народных календарных системах, было структурирующим и организующим прин-

ципом всей жизни этноса, маркером этнической идентичности, поэтому совершенно непонятно, почему современные исследователи, за исключением единичных (и в большинстве — зарубежных) авторов проходят мимо этой проблематики. Как сообщает Л.А. Викторова, китайские хроники и отчеты путешественников содержат, где это возможно, любые, пусть даже отрывочные сведения об отличительных чертах народных календарей. Для китайцев, сяньбийцев, киданей, монголов, тангутов, чжурчженей, маньчжур — «...становление династии и государства не мыслилось без утверждения своего календаря. Следование чужому календарю рассматривалось как один из основных признаков утраты независимости. Поэтому обычно завоевание или вступление в подданство символизировалось принятием календаря народа-победителя. С помощью календаря победители навязывали покоренному народу свои представления об окружающем мире, что способствовало культурной интеграции покоренных народов, стиранию этнических границ, постепенному слиянию с народом-победителем»¹¹. Этот вывод сделан исследователем относительно средневекового китайско-монгольского мира, однако основная канва выделенных закономерностей справедлива и для полиэтничного среднесибирского региона.

На культурогенную специфику восприятия времени обращали внимание многие ученые. Однако всепроникающий характер этого явления подтверждает важнейшее открытие практической психологии XX в. — понятие об индивидуальных картах репрезентации времени у людей, принадлежащих к одной этнокультурной и социальной группе. Согласно К. Андреас и С. Андреас, у каждого человека есть индивидуальный, только ему присущий способ сортировки жизненного опыта по критерию времени. «Способы, которыми люди представляют время — прошлое, настоящее и будущее, — обеспечивают основу их способностей и ограничений. Поэтому некоторые проблемы невозможно разрешить, если не изменить способ, каким человек репрезентирует время»¹². Личностные «временные линии и карты» представляют нижележащий иерархический уровень образа времени, который на-

ряды с общекультурными моделями определяет поведение человека в природном и социальном мире.

Полиэтнический регион как сфера контакта субъективных культурных миров

В этом разделе мы рассматриваем в сравнительном аспекте субъективные факторы организации пространственной и временной среды в рамках четырех основных этнокультурных традиций Прибайкалья за последние два-три столетия.

Основные этнические ареалы

Сердцевина этнического ареала тунгусоязычных охотников-оленьеводов и пеших охотников сложилась в бассейнах Нижней Тунгуски, Верхней Лены и Средней Ангары и включала монотонные ландшафты среднесибирской тайги. По Б.О. Долгих, в XVII в. здесь проживали племена налягиров, шлягиров, никогиров, шамагиров, кондогиров, камчагиров. Все они сохранили преемственность к началу XX в.¹³

Периферийные области расселения охватывали районы контакта горной и равнинной стран, таежные и лесостепные ландшафты Предсаянья, горной южносибирской страны. Здесь жили верхне-ангарские, удинские, окинские тунгусы и кочевары. Разнообразие природной среды и обилие иноэтничных соседей повлекли как широкий спектр систем этнического природопользования, так и быстроту аккультурации и ассимиляции: к концу XIX — началу XX в. указанные группы слились с русскими и бурятами и прекратили самостоятельное существование.

Ареал обитания тофов — тюрков — оленеводов тайги сформировался в предгорьях, средне- и высокогорных областях Восточного Саяна, представленных подтаежными с островной лесостепью, горнотундровыми и горнотаежными ландшафтами. Относительная географическая и информационная изоляция труднодоступного ареала обусловила большую, по сравнению с эвенками, устойчивость к инокультурному влиянию.

Бурятские племена булагатов, ашихабатов и эхиритов обитали лесостепные районы. По сравнениям с XVII в. ареалы

их расселения остались стабильными, а численность возросла, в основном за счет влившихся эвенкийских групп, миграция ряда бурятских родов из Забайкалья и благодаря повышению естественного прироста из-за успешного перехода на экономически более выгодную и эффективную сельскохозяйственную хозяйственную модель в сочетании с традиционным для этноса скотоводством.

Российская крестьянская колонизация региона проходила в две волны, сформировав два крупных земельных очага: в XVII в. осваивались речные долины таежных ландшафтов междуречья Лены и Илим; во второй половине XVIII в., после укрепления силовых позиций русских, «замирения кочевых инородцев», был обжит более благоприятный в климатическом и агроландшафтном отношении лесостепной Иркутско-Балаганский сельскохозяйственный ареал. Взаимодействие с коренным населением имело ярко выраженную специфику: эвенки тайги Приленья с появлением пришельцев покидали родные места, уходя на север, об этом дополнительно свидетельствует мало- и однодворная структура первых русских деревень. Напротив, бурятские племена считали новопоселенцев временным явлением: «бурят-монголы привыкли к центрально-азиатскому типу международных отношений и не предполагали, что другой, далекий народ будет всей своей массой переселяться»¹⁴.

Типология и образы пространства

Согласно принятой нами классификации Альтмана (1975)¹⁵, основные территории — наиболее значимые, их семантическое наполнение — образ дома. По Н. Жюльен, образ дома символизирует представление человека о самом себе, являясь ядром его пространственного мира¹⁶.

«Дом» в кочевой таежной культуре эвенков и тофов не был ограничен пределами жилища, он охватывал большую часть хозяйственного ареала¹⁷, обустроенного стоянками с остовами чумов (старались кочевать максимально «налегке», переноса лишь его покрытие), лабазами, промысловыми и рыболовецкими угодьями, оленябитами и святыми местами. Это

выражается в символике переносного жилища-чума. Центральные жерди — прообраз «мирового дерева» — одновременно центра Вселенной и связующей нити с Небом. Культурологи и гуманитарные географы интерпретируют его как ключевой элемент «комплекса центра», присущего многим народам: так, и кочевник-эвенк, и тоф, поставив чум, всегда оказывался в центре не только своего дома-ареала, но и в центре всего мироздания. Таким образом, выстраивается логичный ряд семантических эквивалентов: для эвенков и тофов ареал обитания — хозяйственный ареал — «дом» — «я» — образ, или идентичность. С учетом этого становится понятной «странная» стратегия взаимодействия эвенков с русскими крестьянами, заселявшими и распахивавшими исконно эвенкийские долины рек: где это возможно, эвенки стремились уйти вглубь тайги, а следов оставшихся через 10 — 20 лет местное начальство просто не обнаруживало, как полностью «растворившихся среди крестьянского населения», или, иными словами, как утративших свою этническую идентичность. Географическая изоляция труднодоступной Тофаларии повлекла сохранение основных территорий вплоть до начала коллективизации.

В бурят-монгольском культурном мире основные территории выделялись по несколько иному принципу. Природопользование скотоводов лесостепных ландшафтов связано с двумя сезонными миграциями по оси летник — зимник, которые являются относительно стабильными поселениями со стационарными жилищами. «Укрупнению» улусов содействовал массовый переход Прибайкальских бурят к хлебопашеству, в котором они, по оценке современника, достигли значительных успехов, благодаря усердию и поливному земледелию часто по урожайности опережая русских крестьян¹⁸. Поэтому семантика понятия «дом» также не сводима к пространству жилища, которое было в большинстве случаев срубной конструкции, многоугольной формой повторяющее традиционную юрту степных кочевников. Она приближается к пределам родного улуса: уже своего эквивалента в культурах кочевников тайги, но шире, чем у славян-новопоселенцев. Видный специалист по бурятскому шаманизму Т.М. Михайлов отмечает, что даже в

конце XX в. «в улусах имеются свои локальные божества и духи — различные местные старцы (убугуты), духи умерших шаманок и шаманов, хозяева местных рек, озер, горных вершин». И далее: для улусов «характерными являются особая устойчивая связь между людьми, преувеличенное внимание к мнению окружающих о себе. Здесь все взаимообусловлено, мало свободы в выборе своих отношений, ибо они заданы местом труда и жительства»¹⁹. Все это, вкупе со стабильностью и устойчивостью внутрисемантических взаимосвязей, позволяет считать бурятский улус семантическим эквивалентом понятия «дом». Анимистически-шаманская концепция мира заставляла держать открытыми «двери дома»: общемонгольские и общетюркские культы «Вечного Синего Неба» — Хухэ Мунхэ тэнгри и «Матери-Земли» — Улгэн эхэ, обширный пантеон хозяев местности — эжинов рек, лесов, озер, холмов, побуждали человека вести постоянный мысленный и ритуально-действенный диалог с пространством и его мистическим образом, чтобы оно и впредь оставалось благожелательным и щедрым.

Основные территории славянских крестьян-новопоселенцев наследовали как символику и семантику исторической родины, так и впитывали культурные традиции нового региона. По Б.А. Рыбакову²⁰, дом и двор славянина и русского средневекового человека представляли собой сложную, веками создававшуюся систему закликательных охранительных мер против неожиданного нападения. Микрокосмические символы дома-крепости: везде были расставлены как стражи благожелательные божества: на дворе — «дворовый», на гумне — «гуменник», в бане — «банник», комендантом усадьбы крепости был персонифицированный предок — «домовой» или «кутный бог». Однодворная деревня русского крестьянина-переселенца была в буквальном смысле островом в неизвестном, а значит, враждебном мире. Поэтому его настоящим домом была усадьба со всеми хозяйственными постройками и берегами. Однако если бы эти образы остались неизменными и консервативными, этническая карта региона была бы совершенно другой. Дореволюционный этнограф отмечал:

«Чтобы отстоять собственное существование... русскими населяемыми перенималась отчасти инородческая техника земледелия и охоты: способы рыбной ловли в порогах и шиверах Ангара, за образцы построек брались инородческие юрты, скотные дворы (многоугольной формы)... Новое из мира суевений воспринято всеми старожилыми русскими крестьянами Сибири. Православные... призывают шаманов для врачевания своих болезней, их просят ворожить о пропажах, шаманить насчет судьбы, охоты»²¹.

Посемейное распределение хозяйственных ареалов эвенков, тофов и частично — бурят определяет специфику вторичных территорий. По сути, у них отсутствуют твердые границы, ведь доступ «в дом» любого человека был открыт, конечно, при соблюдении неписаного «кодекса гостя», чем совершенно не отягощала себя царская администрация. В кочевых таежных культурах мы наблюдаем «прозрачность» вторичных пространственных ареалов: в зависимости от ситуации они могли совпадать с основными либо локализоваться за их пределами; в последнем случае это характерно и для бурят: это могли быть сакральные объекты общины: такие как кедр-шаманка или святилище ова у тофов, долины — обители духов сэвэки у тофов, бурятские шаманские роши, барисаны и обо. К вторичным территориям относятся пастбища, сенокосы и пашни бурят и русских, поскольку главным критерием этой типологии является субъективное качество самоотождествления этнокультурной группы и пространственного ареала; наиболее высока она у охотников-оленьеводов тайги.

Социальные территории выделяются более четко; у эвенков и тофов к ним можно отнести традиционные места сугланов, зимовья купцов-покрутчиков и отчасти — поселки, куда со временем стали выходить кочевники тайги для продажи пушнины и пополнения запасов продовольствия. Все это относится к традиционной кочевой культуре, однако вариантов аккультурированных хозяйственных моделей было множество, которое мы из-за ограниченности объема не имеем возможности рассмотреть. Они различаются и пространственной структурой (к примеру, для оседлого эвенка, перешедшего на

земледельческо-промысловую хозяйственную модель, основная территория — это срубная изба-усадебка — дом в поселке, вторичная — охотничьи угодья — «ухожья», «тайги»; социальная — поселок). Соответственно, смысловое и эмоциональное наполнение образов будет существенно отличаться. Аналогичные ареалы бурятской культуры включали соседние улусы, удаленные места молений и как инновацию — строящиеся совместно с русскими деревни крестьянского типа. Для крестьян-поселенцев социальные территории локализованы в пределах своего и ближайших соседних поселков.

Образ времени

Традиционная модель времени охотников-оленьеводов циклична, однако, в отличие от земледельцев и скотоводов, она представляет собой не ритмически-равномерно поделенный замкнутый цикл, а континуум «вспышек разных длительностей, которые этнографы пытались адаптировать в виде аналогии месяцев. Примеры, приведенные М. Кривошапкинским для эвенков — «мочун» — то время, когда трава только пробьется, «канякичъ» — когда копают сарану, «шюнкан» — лед ломается и очищаются реки²². М. Расцветаев приводит меру соотношения времени-пространства: «промежуток пути, который летом проходит верховой олень или зимой нарта в течение времени, потребного для закипания воды в котле. Время в данном случае составляет примерно полчаса, а расстояние по сезонам будет разное: летом около 3 км, а зимой 5 — 6 км»²³. Тофы имели сходные временные модели.

Структура времени бурятских племен претерпела значительные изменения с переходом к земледелию: на первоначальный ритмически размеренный жизненный круг скотоводов, поклоняющихся солнцу и луне, от которых зависели тепло и холод, состояния трав и воды, напластовался сначала китайский календарь земледельцев с 60- и 12-летними циклами²⁴, подвергшийся впоследствии ламаизации. Православие стремилось адаптировать структуру времени бурят-монголов: крупные жертвоприношения и ритуальные праздники совершались в даты, близкие к общеправославным торжествам. Тем

не менее образ циклического времени проявляет устойчивость и преемственность: не этим ли объясняются гетеростереотипные представления о лениности и малоподвижности этого народа.

Циклический народный календарь русских земледельцев Сибири, по мнению М.М. Громыко, сохранил множество архаических черт, из-за ослабленного влияния официальной церкви, большей социальной и экономической самостоятельности крестьянских хозяйств и географической изоляции здесь в значительной мере сохранились древние славянские образы времени²⁵. Дохристианский солнечный календарь органически слился с лунным христианским, образовав и поныне существующую синкретическую модель: образ времени состоит из наложения «линии» и «круга», из «преходящих» и «непреходящих» праздников. Тем не менее эта репрезентация имеет тенденцию к линейности, которая мощно проявилась в последующие годы.

Космология и шаманские территории

Космологическая структура эвенкийского мира вертикальна, как и во множестве иных культур. Однако в ней значительно отразилось расселение по рекам; одновременно происходит наложение горизонтальной схемы. У истоков реки, в горах находился Верхний мир, у его подножья — мир нерожденных душ, и далее — на большом ягельном пастбище — мир нерожденных оленей. Нижний мир располагался ниже устья²⁶. Звездный небесный свод мыслится подобным дырявой шкуре лоса.

Вертикальная космология характерна для тофов: по Л.В. Мельниковой, семантические аналоги Неба — исток, начало, рождение, доброта, чистота. Центр ассоциирован с землей, средним течением, жизнью. «Граница между мирами (подножие горы, перевал, берег реки, озера, прикорневая часть дерева, шаман) определяется ситуативно»²⁷. Подземный мир символизируют низ, устье, конец, злость, корни дерева, огонь.

Четырехчленная структура монголо-бурятского мира, деленного на небесную, воздушную, земную и подземную сферы, и верховные божества Вечного Синего Неба и Матушки-Земли отразили специфику обживания степных и лесостепных районов. Это подтверждает шаманское призывание: «золотое солнце — светило, алмазный месяц — сияние зеркальное, шелковотканная — ясная земля, беспредельно высокое небо, бесконечно широкая земля!»²⁸.

Наиболее эмоционально наполненные и фантастические образы пространства возникают в шаманской практике. Во время камлания, заручившись поддержкой духов-помощников, шаман отправляется в иные миры. Как отмечает М. Элиаде, «...то, что для обычных членов общества остается космологической идеограммой, для шаманов становится мистическим маршрутом...»²⁹. Шаманское переживание всегда индивидуально, но в него входят универсальные, значимые для этнической группы образы и символы.

Пространство бессознательного говорит на языке символов и образов. Территория — сама по себе символ и континуум символов. Образы природного мира насыщены символически — подобно концентрическим кругам, расширяясь и взаимопроникая друг в друга. Образное восприятие, субъективный мир личности «говорят» с территорией, и не только с ней, а со средой в более широком смысле, на взаимопонятном им диалекте, дистанцируясь от инспекции логического мышления. Мир образов и символов архетипически универсален — и в этом смысле его язык общепонятен, во многом он индивидуален — и в этом смысле это язык племени из одного человека. Разрешение проблем субъективного фактора в этногеографическом исследовании полиэтнического региона, понимание неслыханных языков образов и символов и их «культурный перевод» могут способствовать гармонизации взаимоотношений разных народов.

¹ Традиционное природопользование эвенков: обоснование территории в Читинской области. — Новосибирск: Наука, 1995. — С. 52

² Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. — Иркутск, 1927. — С. 64.

³ Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.

⁴ Ишмуратов Б.М. Региональные системы производительных сил: — методологические основы географического анализа. — Новосибирск: Наука, 1979.

⁵ Голд Д. Психология и география. Основы поведенческой географии. — М.: Прогресс, 1990. — С. 99.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. — СПб.: Евразия, 1998. — С. 194.

¹⁰ Рехтшафен С. Мастерская времени. — Киев: София, 1997.

¹¹ Викторова Л.А. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. — М.: Наука, 1980. — С. 69.

¹² Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление — и воспользуйтесь результатами. Новейшие субмодальные вмешательства в НЛП. — СПб.: Ювента, 1999. — С. 9.

¹³ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М.: Наука, 1960.

¹⁴ Урбанаева И.С. Буряты и русские // Вост.-Сиб. правда. — 1993. — 10 сент. — С. 10.

¹⁵ Голд Д. Указ. соч.

¹⁶ Жюльен Н. Словарь символов. — Екатеринбург, 1998.

¹⁷ Сирина А.А. Преемственность в организации среды жизнедеятельности (на примере эвенков верховьев р. Нижняя Тунгуска) // Этногр. обозрение. — 1992. — №2. — С. 77 — 88.

¹⁸ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. — СПб., 1854. — Т. 1.

¹⁹ Михайлов Т.М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. — Л.: Наука, 1979. — С. 59, 60.

²⁰ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1988.

²⁰ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1988.

²¹ Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // ЗСОРГО. — СПб., 1913. — Т. 36. — С. 16 — 17.

²² Кривошапкин М.Ф. Об остояках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского края // ЗСОРГО. 1863. — Т. 4.

²³ Расцветаев М.К. Тунгусы Мамьяльского рода. — Л., 1933. — С. 79.

²⁴ Викторова Л.А. Указ. соч.

²⁵ Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (18 — первая половина 19 в.). — Новосибирск, Наука, 1975.

²⁶ Василевич Т.М. Эвенки: Историко-этногр. очерки. — Л.: Наука, 1969.

²⁷ Мельникова Л.В. Тофы. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. С. 196.

²⁸ История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ: Бур.-Монг. гос. изд-во, 1951. — Т. 1.

²⁹ Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. — Киев, 2000. — С. 252.

Восточносибирский регионализм:
социокультурный, экономический,
политический и международный аспекты
дополнительные материалы
международной научной конференции
г. Иркутск, 10–12 апреля 2000 г.

Составитель Д. В. Козлов
Макет и верстка Ю. С. Перевалова
Корректор Г. Д. Лопатовская

ЛР № 066064 от 10.8.1998 г.
Сдано в набор 27.7.2001 г. Подписано в печать 11.9.2001 г.
Формат 60х84/16. Гарнитура Балтика. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,13.
Уч.-изд. л. 5,37. Тираж 500 экз. Заказ 146.

Издательство «Оттиск»
664000, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Типография издательства «Оттиск».
Лиц. ПЛД № 40-51, 664000, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26,
т. \ф. (3952) 34-32-34.